

ЗОЛОТОЙ ТАЛИСМАН

СТАЛЬНЫЕ ПЕРЬЯ

ГАЙ ЮЛИЙ ОРЛОВСКИЙ
ДИАНА ХАНТ

12+

Золотой Талисман

Диана Хант

Стальные перья

«Автор»

2018

Хант Д.

Стальные перья / Д. Хант — «Автор», 2018 — (Золотой
Талисман)

Вот так живёшь себе в Цитадели, пакостишь народу по мелочи и в силу характера и в ус не дуешь. С крылатыми дружишь, топтунов – терпишь, водных и вовсе стороной обходишь. А потом одна противная амазонка попадает в беду – и мир переворачивается с ног на голову. Ещё вчера воевали с вредной воительницей, а теперь если падать – то только вместе. Но зато и подниматься – тоже вместе. Тем более, что враг у вас теперь общий да не чета прежним...

© Хант Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Диана Хант, Гай Юлий Орловский

Стальные перья

Серия «Золотой Талисман»

Ворг. Успеть до полуночи

Потерянная

Со смертью наперегонки

Мелкинд Виллейн

Цитадель

Сестра ветра

Цитадель в Огне

Слуга Жнеца

Ответный удар

Стальные перья

С огромной благодарностью за науку Юрию Александровичу Никитину.

Глава 1

Аэлло взмахнула крыльями и сделала круг над Цитаделью, которая сверху похожа на колесо Золотой прялки из Тронной пещеры тети Келены. Юная гарпия вдохнула полной грудью, радуясь, что в утреннем небе может побыть одна, и пошла на снижение.

Дерево Каонэль принялось расти с каждым взмахом крыльев. Стройное и раскидистое, размером с небольшую башню, оно приветливо поманило гарпию проемом окна, что ведет в комнату горгоны. Раскинув крылья, Аэлло на секунду зависла в воздухе, а потом аккуратно приземлилась на подоконник и застыла в проеме.

Горгона, похожая на тетку Келену и сестру Дару одновременно, такая же сильная и красивая, и при этом невыразимо домашняя, не заметила, как в проеме окна появилась хрупкая фигурка в длинном белом платье.

Иссия-черные волосы Эвриала распустила по плечам. Они окутали ее до колен и контрастируют с белоснежными крыльями, которые распахнуты на всю комнату.

Отчаянно жестикулируя, Эвриала что-то читала что-то нараспев. Глаза при этом закрыты, длинные ресницы поэтично подрагивают.

Аэлло склонила голову набок, замерев на подоконнике.

– Горгона слагает вирши? Это что-то новенькое, – пробормотала она под нос.

Пухлые губы Эвриалы дрогнули, и Аэлло услышала:

– Остался миг! Последнее усилие

Разгоряченных от полета крыльев...

Всего лишь миг!

И он ее найдет...

И от беды любимую спасет!

Благословление для рода Астарвардов...

Чудесный меч...

– Помолчи, вихрь меня дери! – воскликнула Аэлло. – Не хочу слышать рифму!

Горгона ахнула, обнаружив, что за ней наблюдают. Пальцы прижались к губам, щеки покрылись ярким румянцем, а сама она забормотала что-то невразумительное. Лишь через несколько мгновений Аэлло разобрала слова.

– Это... Это горгонский эпос...

– Побойся ветра, Эвриала! – строго, стараясь подражать голосу тетки Келены, проговорила Аэлло. – Врать не надо только! Какой еще горгонский эпос? Сама сочинила, так и скажи. И Теонарду твоему распрекрасному крылья приделала в своих фантазиях. Но какие еще разгоряченные крылья? Максимум, что у него разгорячиться может, это... это...

Аэлло запнулась, раздумывая, говорить или нет, все-таки принцесса, а не амазонка какая-нибудь. Так и не решившись, продолжила:

– И то при условии, что рядом эта рыжая. Это максимум!

– Ты снова их видела? – спросила Эвриала, и темные очи в бархатных ресницах заблестели.

Солнечный луч безжалостно осветил глубокие тени под глазами, красные прожилки вокруг радужки и распухший и нос.

– Кого? – неестественным голосом спросила гарпия, сообразив, что, ночью, укрыв юную подругу крылом, горгона вряд ли сомкнула глаза сама. Лежала, не шелохнувшись, тихо плакала.

Аэлло закусил губу и сглотнула. Сердце юной гарпии сдавило шипастыми тисками, а сама она натужно выдохнула, готовая вызвать на поединок стаю грифонов и оседлать смертоносный морской вихрь, только бы видеть подругу счастливой.

– Не притворяйся! – воскликнула Эвриала, отворачиваясь, чтобы гарпия не увидела ее слез.

Не удосужившись сложить крылья, видимо, чтобы Аэлло не могла приблизиться, горгона нервно схватила деревянную щетку и дрожащей рукой она принялась ожесточенно чесать густые, отливающие синевой, локоны.

– Видела? Признавайся! – повторила она и ойкнула, когда щетка запуталась в волосах.

Рванула, чем только больше навредила, щетка застряла почти намертво. Горгона пыталась вытащить, еще больше запутывая, потом бросила это занятие и поступила, как все женщины мира в подобной ситуации – села на пол и разрыдалась.

Аэлло перепрыгнула через распластанные по полу белым покрывалом, крылья. Бормоча слова утешения, принялась обнимать подругу.

– Не убивайся так из-за этого...

– Я не из-за него плачу-у, – выла горгона. – Не из-за Теонарда-а...

– А из-за кого? – спросила гарпия и сглотнула.

– Не из-за кого! А из-за того! из-за этого... из-за того, что волосы теперь придется обрезать!

– Ничего и не придется, ты только сиди спокойно, не дергайся, сейчас все будет, – пообещала Аэлло и принялась осторожно, волос за волосом, спасать прическу подруги.

Горгона еще пару раз всхлипнула и шмыгнула покрасневшим носом, прошептала:

– Так значит видела? – прошептала она.

– Этого предателя? – сурово уточнила Аэлло, сосредоточившись на щетке, чей край робко выглянул из густой шевелюры.

– Аэлло, – устало проговорила горгона. – Ну почему он предатель?

Аэлло издала ликующий вопль и покрутила перед испуганным лицом горгоны освобожденной щеткой. Но тут же стала серьезной.

– А как он мог так с тобой поступить? – спросила она с вызовом.

Эвриала вздохнула, уголки губ дернулись вниз, и Аэлло испуганно заморгала, ожидая новых рыданий.

– Аэлло, – сказала горгона грустно, – ты забываешь, что он ничего мне не обещал!

Гарпия потрянула белокурыми кудряшками и выпалила.

– Неважно! Неважно, что не обещал! Мог бы хоть вести себя, как... как будто обещал!

Эвриала улыбнулась сквозь слезы, а ободренная Аэлло затараторила:

– А ты! А я! Я бы на твоём месте не была такой доброй! Взяла бы, и искупала амазонку! В море! Другое дело, что я с поклажей далеко не улечу, пришлось бы бросить эту рыжую рядом с берегом. А ты, Эвриала, сильная. Далеко отнести можешь. Где поглубже.

– Аэлло!

У Эвриалы даже слезы высохли. Хлопая мокрыми ресницами, она пробормотала:

– Я давно смирилась, что пытаться понять – всерьез ты или нет, бесполезно. У тебя ветер, что в голове, что в сердце...

Аэлло поджала губы и чуть свела вместе брови, точно серьезно обдумывает каверзу.

– Ну ладно, не очень далеко. Чтобы выплыла, так и быть. – сказала она. – Если ты уж такая безнадежно добрая.

Горгона сдержано усмехнулась и забрала у Аэлло щетку. Склонив голову, она принялась укладывать волосы в толстый шар на затылке, откуда свисает роскошный конский хвост. Аэлло помогла подруге заправить в шар выбившуюся прядь, бормоча при этом, мол, куда тут рыжему пучку амазонки.

– Значит, так решает проблемы наследница Жемчужного Ожерелья? – спросила Эвриала, поднимая голову и прищуриваясь. – Просто топит тех, кто ей не угодил?

Аэлло нахмурилась.

– Не говори так. Придет время, и я займу жемчужный трон. И править буду мудро и долго, как Аэлло Великая.

– И бросишь меня? Всех нас?

– Прекрати переводить тему! – разозлилась гарпия. – Речь сейчас о тебе! И об этой поганке Брестиде, которая увела твоего Теонарда! И если ты ничего не предпримешь, это сделаю я!

Щеки Аэлло покраснелись, белые кудри растрепались. Гарпия воинственно ударила себя кулачком в грудь.

– Пока ты тут стихи пишешь, – добавила она, и на лице ее отразилось привычное желание сделать кому-то пакость.

– Ты, значит? – протянула горгона, и прибегла к последней инстанции, пытаясь образумить младшую подругу, – Хороша наследница! Что скажет о твоих выходах тетя?

Аэлло заморгала, склонив голову набок. Но думала недолго.

– Тетя? – произнесла она задумчиво. – Ну, знаешь! Я вообще-то о тебе забочусь, а не о себе! А тебе моя тетя вообще ничего бы не сказала. Простолюдинам, не обученным хорошим манерам, позволено многое.

Точеные брови горгоны поползли вверх, глаза расширились, рот приоткрылся, взгляд стал грозным, как у тетки Келены, когда та злится.

Гарпия поспешно добавила:

– Ну... я имею ввиду, не прямо многое, но всяко побольше, чем нам, правителям.

Эвриала дернула уголок пухлых губ.

– Спасибо, Аэлло.

Гарпия облегченно выдохнула. Злить, а тем более, обижать подругу она не хотела. Она с видимым удовольствием распахнула крылья, смахнув исписанные мелким почерком листки со стола.

Покосившись на подругу, вдохнула, и сложила писанину обратно, чувствуя приятный зуд в крыльях и прилив силы.

– Значит так! – воскликнула она. – Ты, Эвриала, сиди здесь! Можешь стишки свои дурацкие писать. Если тебе так легче. Как у Теонарда там крылья отросли и все остальное.

Горгона возмущенно захлопала ресницами и выпалила.

– Аэлло!

Но гарпия, распахнув крылья, подпрыгнула и оказалась на ногах..

– А я полечу и наведу здесь порядок!

Взмыв в небо, гарпия немного покружила над башней Теонарда. Несколько раз косилась на маховые перья, которые блестят в свете утреннего солнца, потом не удержалась и выпустила по одному с обеих сторон.

Две стальные радуги вжикнули в воздухе и впились в землю прямо перед ступеньками жилища Главы. Аэлло снова посмотрела на одно крыло, затем на другое. А, когда увидела, как новые маховые перья сидят в гнездах, точно и не стреляла, губы растянулись в улыбке.

– Отрасли моментально! – воскликнула она и рассмеялась.

После того, как Аэлло нашла осколок, маховые перья стали отрастать быстрее, и теперь пустые гнезда мгновенно заполняются новыми перьями.

Только тетя Келена, королева-регентша Жемчужного Ожерелья, да несколько зрелых, сильных гарпий, возрастом не младше Полудня, умеют так: метать перья силой мысли, просто наводя крыло на цель.

Раньше Аэлло, юной гарпии, что едва достигла возраста Ранней Зари, приходилось выхватывать перо руками и только потом метать во врага. Покрывать ладони стальными чешуйками не всегда успеешь, особенно в бою, и юные сестры возраста Зари, Рассвета, Утра и даже Дня часто режут о собственные крылья пальцы.

С прибытием в Цитадель в Аэлло начало пробуждаться что-то неведомое, чему лучше всего подходило слово – сила. Рядом не оказалось тети Келены, или другой зрелой гарпии, чтобы определить уровень этого наверняка. Но внутренний голос подсказывал, что возраст новой силы никак не раньше Полудня. Мысль об этом, напополам с зудом в крыльях, гнала Аэлло каждый день, ни свет, ни заря узнать, насколько сильнее она стала.

И считать дни до возвращения домой.

Глава 2

Спикировав прямо к закрытым воротам, Аэлло набрала побольше воздуха и покрыла костяшки пальцев стальными чешуйками.

На гулкий и решительный стук никто не вышел.

– Эй! – крикнула гарпия. – Теонард! Выходи сейчас же!

Ей по-прежнему никто не открывал.

– Теона-ард! У меня срочное дело! Срочнее некуда!

Не собираясь сдаваться, Аэлло развернулась к двери спиной и принялась колотить ногой.

Из-за спины донеслось:

– Горное Лихо! Ты чего так расшумелась?

Проходящий мимо гном застыл на месте, могучие ручищи сложил на груди. Васильковый взгляд так и впился в гарпию, куца курчавая борода даже вперед подалась от любопытства.

– Привет, Тарнат, – поздоровалась Аэлло. – Не до тебя сейчас. У меня к Главе дело.

– Какое-такое дело? – спросил гном и поскреб макушку.

– Важное, – решительно ответила Аэлло. – Важнее не бывает!

– Если такое важное, надо совет собирать, – резонно заметил гном.

Аэлло скрипнула зубами.

– Не настолько важное, чтобы разбирать его на совете, – процедила она. – Но настолько, чтобы решить его с Главой прямо сейчас! Промедление просто смерти подобно!

– А чьей смерти? – спросил гном, вытаращив глаза.

Аэлло назидательно подняла палец.

– Это, – сообщила она. – Не твое дело. И не мое! Это вообще Глава решить должен, и как можно быстрее, потому что его касается. То есть не только... но в первую очередь – его!

Тарнат тяжело вздохнул и пожевал губами.

– Ну ладно, – сказал он. – Если такое важное, и если ты мне все равно не скажешь...

Аэлло сверкнула зеркальцами глаз.

– Если ты скажешь сейчас, что все это время знал, где Теонард, и заговаривал мне зубы...

Тарнат поднял руки в примирительном жесте.

– Тише, тише! Ничего я зубы не заговаривал, это как-никак не по Вежеству! А поинтересоваться должен был! Для порядка...

– Где он?! – гневно вскричала гарпия, нетерпеливо подпрыгнув над землей. Для пущего эффекта она приняла боевую форму, отразив солнечный свет мириадами стальных чешуек.

– Ты бы так не делала, а? – попросил Тарнат, заслоняя глаза рукой. – Секунду назад девочка-девочкой была, даже весьма хорошенькая, хоть и тощевата на мой вкус... А так прямо чудище какое-то!

Аэлло вернула основную форму и устало произнесла.

– Я знаю, что сейчас сделаю. Я убью тебя, Тарнат. И мне станет легче.

Гном возмущенно взмахнул ручищами.

– Меня-то за что? – воскликнул он. Но, встретившись с хмурым взглядом зеркальных глаз, поспешно добавил: – Брестида поехала в дозор в сторону Ялдари, и Глава вместе с ней...

Он не успел договорить, как Аэлло издала воинственный клич гарпий и крылатым смерчем взмыла в небо.

Тарнат поковырял пальцем в ухе.

– Ну и голосок... Банши обзавидует, – пробормотал он, прежде, чем пойти дальше по своим делам.

– Брестида, – повторяла Аэлло, как заклинание.

Ни амазонки, ни Теонарда она не встретила на вылете из Цитадели, хоть летела медленно и низко, пристально глядя вниз.

Колесо Цитадели осталось позади, и под крылатой фигуркой оказалось старое капище. С выжженной дочерна земли поднялась стая ворон. Встретившись в воздухе с гарпией, птицы раскаркались, что заставило Аэлло взять выше, раздраженно хлопая крыльями.

– Совсем плохие! – крикнула она им с высоты. – Всех в Цитадели перебудили!

Посчитав, что была с нахалками слишком вежливой, Аэлло постучала большими пальцами по лбу, что на языке сестер ветра означает «дуры».

Поравнявшись с клином диких гусей, Аэлло, для разнообразия, пристроилась сзади.

Летающий перед ней гусь выгнул шею, уставился на гарпию маленькими злобными глазами. Во взгляде превосходство, мол, «моя птица сильная, твоя – слабая»! Аэлло отлично знала, что гусь неспроста летит слегка сбоку впереди летящего, так легче поймать крылом вихревые потоки, которые передний оставляет позади. Впереди летит сильнейший – вожак, самые слабые и молодые птицы – позади.

Гусь, что минуту назад перестал быть задним, гагнул что-то самодовольное, даже шею выгнул горделиво.

– Дурак, – сообщила ему гарпия. – Не будь за тобой меня, такой слабой, ты не почувствовал бы себя таким сильным.

Решив проучить наглую птицу, гарпия нырнула под косяк, усиленно работая крыльями. Пролетев вперед, пристроилась перед вожаком. Тот недовольно забил крыльями, но все же встал немного сбоку. Клин враз перестроился. Вихревые потоки от крыльев гуся не шли ни в какое сравнение с гарпийскими, и вся стая довольно загоготала, приветствуя нового вожака. А кто-то даже что-то обидно прогагал старому.

– Не обижайся, – сказала вожаку Аэлло, оборачиваясь. – Они просто чувствуют силу.

Гусь жалобно гагнул, и гарпия поняла, что выбрала не те слова для утешения.

– Каждый из них печется о своем комфорте, – заверила она гуся.

Тот и вовсе не ответил, обиженно посмотрел куда-то вниз и даже, как будто, клюв поджал.

Гарпия глубокомысленно изрекла:

– Они дураки. Как только меня не будет, тут же забудут.

Гусь с надеждой поднял на нее глаза и несколько раз моргнул. Аэлло, вздохнув, погрозила гусю пальцем.

– Помни мою доброту! – назидательно сказала она на прощание, и кувыркнулась в воздухе.

Гарпия снова поднырнула под стаю, и, описав вокруг косяка петлю, уверенно пошла на снижение.

Те из пернатых, что двинулись за ней, запутались в вихревых потоках, загоготали, забили крыльями, бултыхаясь в воздушных ямах. За Аэлло шлейфом заскользили недовольные птичьи вопли. Она даже оглянулась и погрозила кулачком.

Между деревьев сверкнула река, и гарпия тут же забыла о неблагодарных.

Выбрав место пошире, где могучие сосны расступаются в стороны, давая волю стремительному голубому потоку, Аэлло камнем рухнула вниз. Крылья расправила у самой воды, чуть накренилась, и стала чертить крылом по поверхности, поднимая ровный веер брызг. Брызги накрывали самые высокие деревья на берегу и окрашивали мир в цвета радуги.

Наконец, Аэлло остановилась, точно натолкнулась на невидимую стену. Бьющий в лицо ветер растрепал белые кудри по плечам.

Издав воинственный клич, гарпия взмыла над деревьями, закрутилась волчком и принялась стрелять стальными перьями по макушкам сосен, бормоча под нос, что это вовсе не сосны, а враги-великаны.

Расправившись с воображаемыми врагами, гарпия приземлилась и перевела дыхание. Крылья сложились за спиной, не оставляя тени на речном песке.

Аэлло упрямо продолжила путь пешком, по берегу, вдоль пышных зарослей камыша и рогоза.

Когда ветер донес обрывки голосов, гарпия азартно подпрыгнула на месте и щелкнула пальцами.

Чем быстрее она шла, тем громче раздавались голоса. Наконец, гарпия приблизилась к пышной поросли кустов, покрытой мелкими дикими розами. В воздухе повисло благоухание, а оживленный разговор по ту сторону заглушает полет шмелей над бутонами. Гарпия так спешила, что чуть не споткнулась о мшистый пенёк, надёжно скрытый розовым кустом. Разведя ветки в стороны, Аэлло увидела две фигуры на берегу реки.

Одна – серая, с прямыми волосами средней длины, вторая – с задорным рыжим пучком на макушке. Пара завитков выбилась из строгой прически и озорно щекочет изящную шею.

Теонард и амазонка расселись на солнышке, почти соприкасаясь спинами. Ладонь Главы накрыла загорелую кисть Брестиды.

– А ножками, наверно, болтают в воде, – хмуро подумала Аэлло вслух.

Рядом валяется лук с колчаном, полным стрел и охотничий арбалет.

– Значит, вот в какой дозор поехала эта нахалка, – пробубнила Аэлло под нос. – Значит, вместо того, чтобы Цитадель охранять, она тут пристаёт к мужчинам!

Теонард нагнулся к розовому ушку, отвел в сторону огненный локон, и что-то жарко зашептал.

Аэлло скривилась, вытянула шею, пытаясь услышать, о чем говорят, но как ни старалась, не уловила ни слова.

– Конечно, вас же тут слышно на весь лес! – вознегодовала гарпия. – Еще на язык жестов перейдите!

Теонард шептал жарко, азартно, у самого щеки заалели. Амазонка запрокинула голову, потряхнув рыжим пучком, и расхохоталась.

– Лошадь! – вырвалось у Аэлло.

По мере того, как амазонка смеялась, лицо Аэлло темнело.

А когда рука Теонарда собственническим жестом легла на обманчиво хрупкие плечи, гарпия с досадой пнула ни в чем не повинный пенёк.

– Вот она оказывается, какая! – вырвалось у Аэлло. – Эвриала, там, значит, плачет, места себе не находит, а она ржет тут, как лошадь! Ну, я вам покажу, голубки...

Аэлло защелкала пальцами, судорожно соображая, что же делать. Раздался звон стальных чешуек, над перстами засверкали искры.

В облачке искр над пальцами появился огневичок в оранжевом колпачке. Дух огня ошалелыми от счастья глазами оглядел деревья за спиной гарпии, умильно шурясь. Только когда облизнул пылающие щеки длинным языком, гарпия заметила, что случайно вызвала его.

– И не думай! – строго прошептала огневичку.

Наклонила голову и легонько подула на духа огня. Тот недовольно зашипел и почти погас. Гарпия же продолжила шептать, обращаясь к полупрозрачной вытянутой фигурке.

– Волосы ей обрить... Прямо на лысо... У Эвриалы будут волосы, а у этой рыжей – нет! Посмотрим тогда... Или дожждаться, как купаться пойдет, и одежду украсть... Пусть думает, бесстыдница, чем прикрыться!

Аэлло нахмурилась, пытаясь представить амазонку, стыдливо прикрывающуюся листвою, не вышло.

Огневичок снова облизнулся, обводя взглядом деревья.

– Да, пожалуй, ты прав, – сказала гарпия молчащему огневичку.

Тот в ответ пожал плечами и показал длинным пальцем на стволы за спиной гарпии.

– Эта не постесняется идти голышом домой, – продолжила размышлять Аэлло. – Как раз предателю-Главе на радость. А это вряд ли обрадует Эвриалу... А вот на лысую амазонку никто и не взглянет!

Аэлло даже в ладоши от радости хлопнула. Огневичок обиженно моргнул и погас.

Не успев толком обдумать, а то и понять, что собирается делать, гарпия вихрем взмыла над верхушками сосен. С высоты Аэлло увидела, как оба поднялись, все еще держась за руки. На надменном лице Брестиды улыбка, она пытается отнять руку, Теонард не пускает, говорит что-то, все быстрее и быстрее. Наконец, амазонка высвободила свою руку, и отступила на шаг. Теонард шагнул за ней, словно телок на веревочке.

Когда их губы соприкоснулись, с высоты раздался свист.

– Ветер! – бормотала гарпия, сжимая кулачки. – Клянусь! Жизни не пожалею, только бы Эвриала не плакала больше! Никогда не плакала!

Гарпия обернулась в боевую форму, и покрытое металлическими чешуйками тело засверкало в солнечных лучах. С губ Аэлло сорвался боевой клич.

Молниеносно выпластав перед собой крылья, она принялась ронять стальные молнии, метя прямо под ноги хранителям.

Теонард и амазонка прыгнули в разные стороны, спасаясь от стального дождя.

Не в силах удерживаться в воздухе, гарпия сложила крылья и камнем рухнула вниз.

Металлический комок обрушился перед самым лицом Теонарда, растрепав порывом ветра волосы и едва не снеся нос. Арбалетчик моргнул, сглотнул, глядя на взъерошенную гарпию, меняющую форму. Приняв «человеческий вид», Аэлло вытаращилась на Главу исподлобья, не мигая, для пущей строгости сложив на груди руки.

Теонард часто заморгал, и поднял к лицу руку. Охнул и застыл, увидев рыжий пучок в собственных пальцах.

Тот самый, что еще секунду назад задорно топорщился на макушке амазонки.

Зачем-то спрятал руку за спину и недоуменно посмотрел на Аэлло.

– Смотришь, точно я яйцо у тебя украл, – растерянно сказал Теонард, и, прежде чем Аэлло успела ответить, затараторил: – Я не крал, честное слово не крал! И в долг не брал! Не знаю никаких яиц! За яйцами – это вообще к Керкегору!

Амазонка тем временем вскочила на коня, и подняла его на дыбы.

Огромные копыта замолотили в воздухе, сверкая подковами, а Брестида крикнула:

– Сумасшедшая! Попадешься мне еще!

Взяв с места в галоп, амазонка скрылась среди деревьев.

Теонард проводил взглядом огненный столп.

Гарпия даже скривилась, глядя на это.

– Никогда не думал стать менестрелем? – кисло спросила она. – Тебе бы пошло.

Теонард часто заморгал и снова уставился на свою руку, все еще сжимающую волосы амазонки. Явно не зная, что с ними делать, он нагнулся и аккуратно положил на траву, снова бормоча что-то невразумительное про яйца.

– К Керкегору, к Керкегору! – повторил он, глядя на Аэлло честными глазами. – Он наверняка в яйцах толк знает. Так что... эм... ничего страшного, возьмем у него в долг!

Гарпия даже задохнулась от гнева.

– Да отстань ты от меня со своими яйцами! – рявкнула она.

– А по этой части к Таранту, – сообщил Теонард, подмигивая.

Щеки Аэлло покраснели, как маков цвет.

– Хватит мне зубы заговаривать! – возмутилась она.

Теонард вздохнул и спросил:

– Аэлло, ты чего? Ты вообще здесь как? Зачем? Откуда?

– Ничего. Охочусь, – буркнула в ответ гарпия. – На некоторых рыжих...

Теонард поскреб макушку.

– На лис, что ли?

– На лис, на лис, – протянула Аэлло, продолжая буравить его взглядом.

– И на лошадей... – сладким голосом добавила она.

– Так надо быть внимательнее! – расстроился Теонард, качая головой. – Вон, с Брестидой как неудобно получилось...

Глава посмотрел вниз.

Волосы амазонки уже успел растащить ветер. Огненно-рыжие локоны похожи на огневичков, что резвятся в траве.

Не утруждая себя ответом, гарпия расправила крылья и взмыла над деревьями, с мстительным наслаждением наблюдая, как Теонард становится сначала грибом, а потом и вовсе пуговкой, задумчиво смотрящей ей вслед. От досады и бессилия выпустила пару перьев по макушкам сосен.

Когда внизу показалась скачущая амазонка, Аэлло сбавила темп и снизилась.

Брестида обернулась. Вцепившись одной рукой в гриву лошади, она приставила ребро ладони другой руки ко лбу, вглядываясь в кружащуюся над верхушками деревьев гарпию. Вторая рука амазонки скользнула за спину, и тут же ярость на ее лице сменилась досадой.

– Ага! – крикнула Аэлло, снижаясь. – Где оружие? Нет оружия! Лук со стрелами на берегу остался! Будешь в следующий раз думать, прежде чем снимать и приставать к Главе, понятно?

Брестида тряхнула рыжими обрывками волос и прокричала:

– Я убью тебя! Найду и убью!

Гарпия приложила руку к уху, притворяясь, что не слышит.

– Что ты говоришь? А? Не слышу! Ну и ладно! – крикнула она. – Помни мою доброту! Я безоружных не бью! Слово наследницы жемчужного престола!

С чувством глубоко выполненного долга Аэлло взмыла вверх, лениво провожая стремительно удаляющийся рыжий вихрь взглядом.

Выражение торжества покинуло личико гарпии, стоило вспомнить о поцелуе в лесу. Хотя она и проучила нахапку-Брестиду, этот поцелуй никак не шел из головы.

– Как теперь Эвриале в глаза смотреть? – пробормотала гарпия. – А вдруг она спросит, что я видела? И как рассказать о таком? Она итак вон, ночами не спит, плачет...

Подлетев к Цитадели со стороны своих земель, Аэлло устремилась не к дереву Каонэль, а в противоположную сторону, к морскому берегу.

После увиденного в лесу Аэлло чувствовала себя предательницей, словно это она только что глупо хихикала над дурацкими шутками Теонарда, а потом и вовсе подставила губы для поцелуя.

Глава 3

Завидев вдалеке платформу на трех опорах, на которой расположилось жилище Керкегора, Аэлло взяла вверх. Надменный птеринг выделяет всех крылатых, но в его внимании есть что-то от снисходительности взрослой птицы к неоперившемуся птенцу.

Увидит гарпию – до смерти заболтает, а спорить до хрипоты о том, чье могущество могущественнее – ветра или Пернатого Бога, Аэлло не в настроении, как и о том, у кого больше «чести» – у птерингов или у гарпий.

Все-таки немного задержалась, чтобы сделать круг над собственными землями.

Гордо прошла взглядом по нескольким пологим холмам, рощице низкорослых деревьев. Завидев, что в зеленом полотне робко проклевываются желтые, голубые, красные искры скромных полевых цветов, гарпия довольно улыбнулась.

– Чудесное место, – сказала она, – просто чудесное! И Эвриала по соседству, а значит, и пироги!..

– Летаем? Парим? Наблюдаем? – клекот птеринга вывел из задумчивости, Аэлло перевернулась в воздухе и уставилась на птеринга.

Керкегор прищурился, разглядывая гарпию. Распластав крылья, он заскользил рядом, явно ожидая ответа.

Понимая, что разговора не избежать, гарпия постаралась ответить приветливо, но сухо, чтобы не вызвать новых вопросов.

– Да вот... решила полетать над своими землями... Очень уж здесь красиво!

Она чаще заработала крыльями, взмывая ввысь и оставляя Керкегора внизу, когда вслед ей раздалось:

– А что красивого-то? Ни платформы, как у меня, ни скалы, как у горгульи, ни даже самого захудалого дерева, как то, на котором ты сейчас ютишься! Просто пустая земля!

– Это дерево Каонэль-то захудалое?! – возмутилась гарпия, с запозданием понимая, что ее все-таки втянули в склоку.

Она снизилась, так, чтобы их лица с птерингом оказались на одной высоте. Гневно взглянув в глаза Керкегора, круглые, почти птичьи, в окружении мелких перьев, гарпия запальчиво произнесла:

– Да если бы ты знал, как у Каонэль уютно и удобно, и дома всегда пахнет лесом, и листва шелестит, ты бы трижды подумал, прежде чем возводить свою платформу! Вот!

Птеринг задумчиво прищурился, даже покосился назад, словно хотел взглянуть на эльфийское дерево новым взглядом, но в последний момент передумал.

– Пусть так, – сказал он запальчиво, – пусть там удобно, уютно, шуршит листвой, и все такое! Но у Каонэль свое дерево есть, и у меня платформа есть, и у других хранителей дома тоже есть... Почти у всех! А вы с горгоной как перекасти поле, то к Страгу переберетесь, за Араоном ухаживать, то опять к Каонэль. Можешь обижаться, но этот твой полет над собственным пустым участком – чистой воды извращение!

Гарпия возмущенно заморгала, но решила не показывать, что оскорбилась.

Пожав плечами, невозмутимо произнесла:

– Вообще-то все идет по плану! Все так и задумано!

– Что задумано? Летать над своими пустыми землями и вздыхать, глядя на жилища остальных? Странная задумка, Аэлло, очень странная!

– Именно, что задумка, – подтвердила Аэлло. – Чтоб ты знал, принцесса Жемчужного Ожерелья не имеет права на собственный дом, пока не выполнит долг перед сестрами. А вот когда выполнит... Когда выполню! Разгромлю захватчиков-нефилимов, и прославлюсь как

самая великая свершительница крылатого народа – тогда построю здесь такой дом, что все окрестные птеринги ахнут!

Керкегор возмущенно заклекотал что-то на неизвестном Аэлло наречии, но глядя на ее удивленное лицо ответил по-человечески:

– Чтобы ты знала, птеринги ахают редко, даже никогда! У нас устройство клюва не подразумевает такого непотребства! А лучше жилища, чем моя платформа, здесь ни у кого нет! И даже не рассчитывай на мой голос, когда захочешь себе нечто подобное!

Аэлло расхохоталась, запрокинув голову, и смеялась долго и с удовольствием.

– Платформа? – издевательски переспросила она. – Наследнице жемчужного престола подобает жить на парящем острове, и этот самый остров вскорости здесь воспарит!

Гордо дернула подбородком, развернулась в воздухе, и полетела дальше.

Вслед ей раздалось обиженное:

– Настроения нет, Аэлло? Так бы и сказала! Зачем сразу ругаться-то...

Пролетая над пустыми, равнинными землями банши, Аэлло суеверно пощелкала пальцами.

Внизу замелькали домики с просторными конюшнями. Мимо них тянется вереница женщин в кожаных доспехах, с прямыми, как жердь, спинами. Амазонки лениво покачиваются в седлах. Проследив за процессией, Аэлло так разозлилась, что черную уродливую скалу Мелисс и дом Гнура пролетела практически не заметив. Только когда увидела купол жилища ихтионки, ощутила, как выдохлась.

Все-таки пролетела чуть дальше, к самому морскому берегу, и чуть ли не кубарем скатилась по воздушным потокам, балансируя крыльями.

Наконец, сохранив равновесие, сложила крылья, и поздоровалась:

– Привет, Каонэль.

Эльфийка сдержанно улыбнулась, отвечая на приветствие.

В руках у нее длинная розовая раковина, которую, судя по вмятине на мочке длинного уха, Каонэль слушала, как раз перед приземлением гарпии.

– Красивая, правда? – спросила эльфийка, проводя серым пальцем по гладкой розовой поверхности. Но тут же умиление на бесстрастном лице сменилось более привычной эмоцией, и она быстро спросила: – А ты откуда?

Аэлло расправила крылья и проговорила гордо:

– К южной речке летала.

На миг запнулась, и продолжила спустя секунду:

– Посмотреть... что там за рыба. А еще ругалась с птерингом, но он сам виноват. Нечего вмешиваться, куда не просят!

Эльфийка не заметила замешательства, а может не обратила внимания.

– Не обращай внимания. Ты же знаешь Керкегора. Характер у него, мягко говоря, неуживчивый. Значит, говоришь, летала к южной речке? – задумчиво протянула Каонэль и потерла подбородок. – Ах да. Знаю такую. Она потом в подземную реку переходит. Бурную и холодную.

Аэлло удивленно подняла брови.

– А ты откуда знаешь? – спросила она.

– Да так, – уклончиво осветила серая. – Плавала.

Аэлло задумалась – говорить о том, как проучила наглую амазонку, или не стоит? Вид у Каонэль не сказать, чтоб задумчивый или занятой... Но если не знать, что гарпия защищала честь подруги, и вообще, ссора с Брестидой вышла случайно и почти незапланированно, эльфийка может не так понять. А чтобы поняла правильно, надо начинать с самого начала: как прилетели в Цитадель, и как бессмертная крылатая дева, веками грезившая о любви и челове-

ческом тепле, попала под обаяние неких серых глаз... И как теперь плачет по ночам, а днем слагает дурацкие вирши. Но ведь эта тайна горгоны, не Аэлло...

– Ладно, – сказала эльфийка, вкладывая гладкую розовую раковину в руку Аэлло. – Ты оставайся, возвращай потерянное настроение, а у меня дела.

И, не дожидаясь вопросов, что за дела, серая легко взбежала по крутому спуску, направляясь в сторону Цитадели. Аэлло успела привыкнуть, что любопытная эльфийка к вопросам о себе относится настороженно.

Поджав тонкие губы и нахмутив лоб, Аэлло какое-то время смотрела на бескрайнюю голубую пустыню, прямо на нитку, где море Атлантии встречается с небом. Море сегодня спокойное, зеркалом отражает небесную гладь.

Воды Атлантии синие, яркие, как васильковое поле, ничего общего с серо-зелеными волнами Жемчужного моря.

По мере того, как синюю гладь перед глазами Аэлло услужливая память преображала в бушующие валы с пенными шапками, лицо Аэлло хмурилось, а пальцы крепче сжимали раковину. Наконец, когда нос сморщился, губы оказались искусанными, а в уголках глаз заблестело, Аэлло затрясла головой, и запустила раковиной прямо в надвигающийся серо-зеленый вал.

Всплеск синего зеркала прогнал наваждение, а на том месте, где только что скрылась раковина, показалась голова Селины.

Аэлло заморгала, уставившись на бледную белокурую ихтионку, недовольно сверкнувшую большими глазами с рубиновой радужкой.

– Что за кракен тебя укусил? – спросила Селина.

Аэлло не ответила, даже демонстративно отвернулась. Она замерла, словно не могла оторвать глаз от крохотного облачка, похожего на рыбу с четырьмя плавниками и змеиным хвостом.

– Эй! Что за кракен укусил, спрашиваю? – повторила вопрос ихтионка, подплывая к берегу.

Над водой показались хрупкие белые плечи, мокрые волосы прилипли к спине, словно ихтионка набросила на голову покрывало. Когда Селина показалась по пояс, на груди засверкали чешуйки. Бледный лоб нахмурен, губы скривились, ихтионка что-то буркнула себе под нос, помянув не то снова кракена, не то каракатицу.

Поняв, что уплывать ихтионка не собирается, как не собирается и отставать, Аэлло скрестила на груди руки, и, поджав губы, недобро уставилась на нее. Селина, которая уже почти полностью вышла из воды, застыла, стоя по колено, копируя позу Аэлло: тоже скрестила руки на груди, и тоже разглядывает гарпию исподлобья. На шее ихтионки ожерелье со светящимся голубоватым светом кристаллом, отчего чешуя на груди окрашена в бирюзовый. Под кристаллом, на тонкой цепочке поблескивает золотой осколок. Узкие бедра охватывает тяжелый пояс, в петле на нем трезубец, маленький, размером с грабельки для рыхления грядки.

Гарпия и ихтионка одного роста, обе хрупкие и белокурые, только отдающие в голубизну кудри гарпии разбросаны по плечам, а локоны ихтионки похожи на гладкое шелковое покрывало, ко лбу прилипла мокрая прядь.

В третий раз услышав о кракене, Аэлло не выдержала:

– Да о каком кракене ты говоришь все время?! Кто должен был меня кусать?

– Вот-вот, после того, как кракен укусит, такие нервные и плавают. То есть ходят.

Гарпия часто заморгала.

– Ты о чем?

Ихтионка вздохнула и перевела сама себя:

– Не в настроении?

Аэлло фыркнула, расправив крылья и складывая их поудобнее.

– Вы что, сговорились все, что ли? Отличное у меня настроение!

Рубиновые глаза ихтионки насмешливо блеснули. Вглядываясь в зеркальца глаз Аэлло, она нарочито небрежно произнесла, передергивая хрупкими плечами:

– Ну тогда понятно.

Аэлло неприязненно скривилась:

– Что понятно?

Селина отвела мокрую прядь за ухо.

– Все гораздо проще.

– Что – проще? – чувствуя, что начинает злиться, спросила Аэлло.

Ихтионка помедлила, а потом произнесла:

– Ты именно меня невзлюбила.

Аэлло склонила шею набок. «Это заметно, что ли?» – пронеслось у нее в голове.

– А за что мне тебя любить? – спросила она вслух.

– А не любить, за что? – резонно возразила Селина, добавив: – Ты же, вроде, жила бок о бок с ихтионами? Ты же с парящих островов? Строфадских? Тех, что над Жемчужным морем?

Тонкие брови Аэлло почти встретились у переносицы.

– Вот именно, что жила, – буркнула она.

Селина заглянула в зеркальные глаза гарпии, явно изучая свое отражение. Даже волосы поправила.

– Тебя кто-то обидел? – спросила она участливо.

Аэлло закатила глаза, словно собиралась воздать молитву всем возможным богам, но на ихтионку это не подействовало, уходить она явно не собиралась. Вместо этого робко улыбнулась, и гарпия нахохлилась еще больше. Когда же Селина протянула тонкую руку с небольшими перепонками между пальцами и осторожно потрогала белую кудряшку, что выбилась из прически гарпии, та нехотя заговорила:

– Когда первый раз летала, по-настоящему, не над островом, а над морем, упала... Я совсем маленькая была, только-только поклялась ветру. Ваши тогда чуть меня не утопили, – после небольшой паузы добавила она.

Бледное лицо Селины омрачилось, словно рябь пошла по воде, а затем тонкие губы раздвинулись в нежной улыбке:

– Но ведь не утопили?

Гарпия нахохлилась еще больше, и нехотя пояснила:

– Другие ваши вмешались.

– Может, они просто играли?

– Хороши игры!

Аэлло подумала и нехотя добавила:

– Хотя, знаешь, те, кто топили, какие-то маленькие были.

Тонкие брови Селины поползли вверх, рот приоткрылся.

– Маленькие? – переспросила она, хлопая мокрыми ресницами. На всякий случай показала руками: – Вот такие?

– Не-а... Такие.

– Кракен раздери! – воскликнула ихтионка, закусывая губу. Заметив, что Аэлло смотрит на нее, склонив голову набок, пояснила: – Детей на поверхность не пускают, этого просто не может быть!

Гарпия нахмурилась.

– Я вру, по-твоему?

– Да погоди ты! Опиши их, кто на тебя напал, и кто спас?

Аэлло потупилась.

– Не самые приятные воспоминания, если честно... Я же совсем ребенком была. Это сейчас я понимаю, что те, черноволосые, кто напал, мне теперешней едва ли по пояс. А тогда

они огромными показались. Поэтому, когда тех увидела, ну, других, больше на тебя похожих, с трезубцами... Просто окостенела от страха, прям не пошевелиться. С гарпиями так бывает, нам лучше от воды подальше держаться, опасно. Крылья судорогой сведет, перья намокнут, потяжелеют, а маховые – они вообще стальные, такие тяжелые, ты не представляешь!

Аэлло говорила сбивчиво, жестикулируя, щелкая пальцами, над кончиками посверкивали небольшие искорки, хмурилась, пока не заметила, что чем дальше она говорит, тем больше бледнеет ихтионка. Вертикальные зрачки Селины сузились, нежная кожа покрылась чешуйками, под тонкой губой заострились клыки. Вид тот еще – краше на скале раскладывают.

– Эй! – позвала Аэлло Селину, и та часто заморгала, точно очнулась.

Слабым голосом ихтионка проговорила:

– Да, подростки совсем... Им лет по восемьдесят-девяносто, откуда там уму взяться...

– Сколько? – обомлела гарпия. – А тебе-то самой?

И тут же, не дожидаясь, пока Селина ответит, выпалила:

– Да что с тобой, Селина?! На тебе лица нет!

– Двести, – снисходительно ответила Селина и заправила высохшую прядь за ухо. На всякий случай повернулась в профиль, чтобы Аэлло сполна убедилась в ее взрослости. Тут же нахмурилась и сказала: – Да нет, нет. Все в порядке. Просто... Просто ты говоришь об отступниках... А я... У нас с ними... Натянутые отношения.

– Разве среди ихтионов не все равны?

Селина улыбнулась одними губами, взгляд красных глаз затуманился, точно ихтионка вспомнила что-то, непонятно, приятное, или нет. Пожалуй, все же неприятное, потому что в следующую секунду ее тонкие губы сжались в линию, а почти невидимые брови встретились у переносицы.

– Конечно, нет! Те, что тебя топили – отступники, причем подростки, так, наверно, из хулиганства. Да, – задумчиво протянула она, – матерые, все же утопили бы. А те, кто спасли – наши, атланты. Ну, с трезубцами которые.

– Вихрь знает что! Двести! – невпопад ответила Аэлло, думая, что Селина, похоже, не такая надменная, как ей казалось раньше.

Селина снова снисходительно улыбнулась. Зрачки ее успели немного расшириться, занимая привычное положение в рубиновой радужке, клыки вновь стали просто чуть острыми зубками. С нежной, почти прозрачной кожи исчезли чешуйки.

Наблюдая это, Аэлло тоже улыбнулась.

– А ведь мы похожи, – сказала она. – Ты тоже покрываешься чешуей в боевой форме, и, кажется, высокородна...

– Ерунда, – сказала Селина, улыбаясь. – Я всего лишь дочь генерала. Но я рада, что теперь ты не выглядишь, как покусанная стаей кракенов.

– А вот о тебе такого не скажешь, – начиная привыкать к манере Селины изъясняться, сказала Аэлло. – Ты снова как будто об этих ваших отступниках услышала!

И вправду – зрачки у ихтионки снова сузились, черты заострились, и без того бледная кожа приобрела голубоватый оттенок.

Тонкая кисть ихтионки легла на вытянутый кристалл на груди, выражение лица стало беспомощным, и каким-то детским. Селина захлопала белыми ресницами, нижняя губа оттопырилась, а светлые брови встали домиком.

– Опять, – прошептала она и покачнулась.

Не давая ихтионке упасть, Аэлло подхватила ту под локоть, обняла за талию, и, выведя из воды, усадила на мелкий белый песок.

– Какого вихря! – выругалась она, усаживаясь рядом. – Что с тобой?! Селина!

Ихтионка вцепилась ей в руку, до боли сжимая пальцы и сбивчиво забормотала:

– Уже было, сегодня утром... И вот... Опять... Я что-то слышу... Надвигается... огромное. Оно... Оно отравит Атлантию. Заставит кипеть ее воды!

– Как это возможно? Селина? Эй! Ты слышишь меня?

– Они нашли Рубиновый Трезубец... Что-то случилось в пути... И теперь Рубиновый Трезубец на службе самой смертоносной из магий. Магии воды! Демон рубина истощен и потому ненасытен... Горе тому, кто встанет на его пути! Он жив, и питается самой жизнью. У ихтионов он отбирает камни души, у гарпий силу, у горгон бессмертие, людей же вовсе высасывает, как паук мух... Чем сильнее тот, у кого демон камня забрал силу, тем сильнее становится его новый хозяин. Тот, кому служит демон рубина сейчас, поклялся известить все ихтионье племя... чтобы... чтобы властвовать над всей водой этого мира... Никто не успеет опомниться, никто не успеет ничего понять, как воды Атлантии вскипят! А ихтионы...

Селина не договорила, запнулась, а когда взгляд ее снова сфокусировался на Аэлло, посмотрела на гарпию так, словно видит впервые.

– Селина?

– Я, кажется, что-то сказала, – слабо пробормотала ихтионка.

– Сегодня, похоже, каждый не в своей пещере, – заявила Аэлло, хмурясь. – Ты говорила, что кто-то хочет то ли отравить, то ли вскипятить Атлантию, если я правильно тебя поняла.

– Атлантию?

Селина недоуменно захлопала ресницами.

– Как это возможно?

Аэлло нахмурилась еще больше.

– Вот и я тебя об этом спросила. А ты давай бормотать про какой-то Рубиновый Трезубец и магию воды... А еще про кого-то, кто задумал известить ихтионов.

– Ничего не понимаю, – пробубнила ихтионка.

Аэлло только руками развела, мол, я здесь вообще с краю.

Какое-то время Селина хлопала светлыми ресницами, а гарпия терпеливо ждала.

– Я обучалась у Оракула, – слабым голосом сказала ихтионка. – Видела, как она изрекает пророчество, а потом ничего не помнит... Что я сказала, Аэлло? Только слово-в-слово, это очень важно! Я неделю не сплю, я что-то чувствую, и оно усиливается с каждым днем!

Стоило Аэлло собраться с мыслями, чтобы начать рассказывать, земля дрогнула.

Гарпия с ихтионкой повернули головы на топот копыт и зычные женские голоса. К воде, смеясь и перекрикиваясь, приблизилось четверо амазонок. Статные, стройные, в кожаных штанах и лифах, прически строгие – волосы убраны в пучки, или в высокие конские хвосты, лица насмешливые, по меркам гарпий, даже несколько грубоватые.

Остановили коней у самой воды, почти одновременно попрыгали с них. Кони расседланы, лощеные спины блестят на солнце.

Три темноволосые женщины и одна с пшеничным пучком на макушке споро избавились от кожаных лиффов и штанов, побросав одежду на берег.

Аэлло стыдливо отвела взгляд.

Ихтионка замерла, разглядывая шумных, непрощенных гостей, прохладные пальцы, что легли на кисть Аэлло, нервно подрагивают. Когда обнаженные женщины потянули за собой сопротивляющихся лошадей в море, Селина встряхнулась и хлопнула Аэлло по руке.

– Пошли ко мне, – негромко сказала она. – Здесь не дадут поговорить.

– Вот-вот, – согласилась гарпия. – Тем более, что мне от амазонок желательно держаться подальше. Нет, ну до чего же грубые и вульгарные представители людей! Хоть и женщины...

– Ты тогда лети, – попросила ее Селина. – А мне по воде ближе.

Ихтионка вскочила и ужом скользнула в воду, только ее и видели.

Гарпия вздохнула, поднимаясь, расправила крылья, чем подсобила одной из амазонок – ближняя лошадь, что сопротивлялась купанию дольше всех, прыгнула вперед, выдернув уздечку из рук хозяйки.

Та наградила гарпию недовольным взглядом, и Аэлло из вредности еще пару раз махнула крыльями, прежде чем взмыть вверх.

Глава 4

Гарпия вихрем спикировала к жилищу Селины, но оказалось, что ихтионка уже сидит перед малахитовым куполом. Взгляд рубиновых глаз устремлен вдаль, где синие воды Атлантии сливаются с небесной гладью. Хмурая, сосредоточенная, губы сжаты в одну линию. Она обняла руками колени, чуть раскачиваясь вперед-назад и не посмотрела вверх, когда солнце закрыла тень.

Когда рядом с ней упал взъерошенный серый комок, оказавшийся гарпией, даже бровью не повела.

– Селина! Селина! – позвала гарпия.

Ихтионка взглянула на нее, словно видит впервые.

– Ну что, будешь слушать про свое откровение? – спросила гарпия, хмурясь.

Вид ихтионки ей совсем не понравился. Бледнее обычного, что кажется совсем невозможным, учитывая, что морская дева выросла под толщей воды, не видя солнца, но еще и какая-то дерганная, нервная, с пустым взглядом. Дрожащими руками ихтионка пригладила волосы, затем провела по коленям, покрытым чешуей.

– Какое откровение? Кого слушать? – невпопад спросила ихтионка, часто моргая.

Отвернувшись, снова уставилась на горизонт, омываемый водами Атлантии.

– Селина, – позвала гарпия, и, чтобы как-то отвлечь ихтионку сказала совсем не то, что собиралась. – Магия Талисмана действует! Я метаю перья уже усилием мысли! Смотри!

Ихтионка послушно уставилась на серое крыло, наведенное на верхушки волн.

Селина не успела ничего понять, когда стальная радуга срезала верхушку волны и попрыгала по остальным, наконец, погрузилась в воду. На том месте, где перо ушло под воду, выпрыгнул дельфин, и, описав дугу, скрылся под водой.

– Надеюсь, я не ранила его, – пробормотала Аэлло, но выражение лица Селины осталось прежним.

– Селина! Да что с тобой такое? – позвала гарпия, и легонько потрясла ихтионку за плечи.

– Я чувствую, Аэлло, – наконец, слабым голосом сказала ихтионка. – Чувствую приближение самой смертоносной из магий... Магии воды... Кто-то подчиняет воду, каплю за каплей, ручей за ручьем. Скоро ему покорятся реки... Вода повинется его воле, и он движется к берегам Атлантии... Он идет за мной, Аэлло.

– Это магия воды-то смертоносная? – возразила гарпия. – Да ты только вспомни, через что мы тут прошли! Самой не верится!

Быстрым движением ихтионка накрыла ладонью кристалл, сверкающий на груди. Выражение лица морской девы стало беспомощным, губы задрожали, как будто вот-вот заплачет. Отчаянно жестикулируя, ихтионка сбивчиво заговорила.

– Аэлло, поверь! Все это состоит из воды! Это – вода чистая, я имею ввиду воды Атлантии, водоемы... А это – да, да, мы с тобой! Наша плоть – тоже вода, с примесями, но их мало. Кровь – вода, Аэлло... Ты, я... Аэлло, все мы – состоим из воды. Ты представить себе не можешь, на что способен тот, кто ей овладеет... Тот, кому покорится вся вода нашего мира, обретет мировое господство! Власть над всеми живыми существами! Я чувствую, что он все ближе и ближе!

– Ерунда, – перебила ихтионку гарпия, легонько трясая за плечо. – У нас Талисман, ты что, забыла? Пусть только сунется, мы его враз!

Селина посмотрела на нее с робкой надеждой.

– Ты в самом деле так думаешь? – спросила она.

Гарпия передернула плечами.

– А как же! Если он вообще посмеет сюда сунуться! И потом: я помню, ты рассказывала о военной мощи ихтионов. Да и видя, на что способен твой трезубец, слабо верится, что кто-то рискнет сунуться в Атлантию!

Увидев, что щеки Селины перестают быть прозрачными, а становятся обычными, бледными, гарпия просияла.

– Расскажи, что я говорила на берегу, – попросила Селина.

Гарпия нахмурилась, видимо, чтобы лучше сосредоточиться, укусила себя за палец. Ойкнула и нехотя заговорила.

– Кажется, ты говорила что-то о каком-то Рубиновом Трезубце... Вроде бы кто-то его нашел, в пути, что ли, или что-то в этом роде. И теперь этот Рубиновый Трезубец питается жизнью.

– Демон, – прошептала побелевшими губами ихтионка. – Демон, заключенный в рубин, питается жизнью.

– Точно, демон! – обрадованно согласилась Аэлло. – У ихтионов этот демон отбирает камни души, у гарпий силу, у горгон бессмертие, а людей вовсе высасывает, как паук мух... Чем сильнее тот, у кого демон камня забрал силу, тем сильнее его новый хозяин. Кажется, ты говорила, что тот, кому служит демон рубина сейчас, поклялся извести все ихтионье племя... чтобы... чтобы властвовать над всей водой этого мира...

Аэлло приложила пальцы к вискам и поморщилась.

– И что никто не успеет опомниться, никто не успеет ничего понять, как воды Атлантии вскипят! И что-то про ихтионов еще, но ты не договорила... Да ерунда это, Селина! У тебя самой трезубец такой силы, что сравнится, должно быть, лишь с легендарным мечом семи ветров Аэлло Великой! А еще у нас есть Талисман! Забыла? Уж его мощи никто не способен противостоять! Забыла, что Чародей говорил?

– Ой! – пискнула Селина, хватаясь за кристалл на груди.

– Опять не слава ветру! – воскликнула гарпия. – А сейчас что?

– Ничего, – прошептала ихтионка. – Показалось. Показалось, что срочно нужно в Атлантию... В смысле в море, не в город. Ой! Нет, не показалось... Меня зовут... Я скоро!

Не говоря больше ни слова, она скрылась в своем куполе. Аэлло поняла, что в Атлантию Селина поплыла по тоннелю, что вырыл для нее тролль Грагрх.

Оставшись в одиночестве, Аэлло пробормотала:

– Не спеши... Я вот точно никуда не спешу. Посижу здесь, на солнышке... Брестида, должно быть, уже съездила за луком и стрелами, а значит, в небе лучше пока не показываться... Хм. У Дерева Каонэль амазонка будет подстерегать меня в первую очередь. Не найдет, конечно. И куда пойдет потом? К Мелисс... Потом к Керкегору, но они не знают, где я... Пожалуй, у ихтионки она будет искать меня в последнюю очередь, так что здесь безопаснее всего.

Рассуждая так, гарпия с тоской посмотрела в небо. Солнце на миг заслонила тень. Хлопая черными каменными крыльями, к морю пронеслась горгулья. Аэлло проводила ее унылым, завистливым взглядом. Мелисс сделала вираж, чуть не обрушившись каменным столпом в воду, и зуд в крыльях подбросил Аэлло в воздух. Стиснув зубы, она опустила на землю.

Погладила нагретый солнцем малахит купола и горько вздохнула, вспомнив, как чудесно вчера гонялись с горгульей наперегонки.

Осторожно выглянув из-за купола Селины, гарпия увидела Страга с Араоном. Целитель о чем-то увлеченно рассказывает, взмахивая руками, как крыльями, поединщик слушает и кивает. Люди скрылись за замком Страга, и Аэлло досадливо скривилась.

Ощущая себя хуже, чем в клетке эпарха селения Цац, гарпия вернулась на прежнее место. Стоило ей понять, что какое-то время надо посидеть смирно, не высовываться и не привлекать внимания, как крылья тут же принялись предательски зудеть, а ноги так и норовили спружинить и оторваться от земли.

– А все эта Брестида! – со злостью пробормотала Аэлло, усаживаясь. – Мало того, что заморочила Главе голову, так теперь еще заточила бедную, невинную сестру ветра практически в клетку!

Аэлло нахохлилась и принялась вглядываться вдаль, гадая, скоро ли вернется Селина.

Ихтионка вернулась с покрасневшими, почти сливающимися с радужкой, глазами и опухшими веками.

На немой вопрос гарпии пробормотала:

– В Атлантии беспокойно. Целая экспедиция кракену в пасть! Я была права! То есть, выходит, пророчество было правильным... Развед-отряд ихтионов конвоировал перемещение Рубинового Трезубца в Атлантию. Лучшие воины! Отважные бойцы! Кто же знал, что к ним применят какую-то подлую магию и обворуют? И вот, пожалуйста! Ни Рубинового Трезубца, ни камней душ...

Селина в отчаянье заломила тонкие руки. Столкнувшись с непонимающим зеркальным взглядом, ихтионка вздохнула, зажмурилась, и заговорила спокойнее. Гарпия слушала не перебивая, только охала и кивала по мере рассказа.

– В далекой древности был хранитель, один из самых сильных, Исихат Воин. Однажды его мощь захотел забрать демон красных азахских степей, но Исихат одержал победу и заключил демона в рубин. Понимая, что демон не смирится и будет искать свободы и мести любой ценой, хранитель поместил рубин в свой трезубец, многократно усилив свою магию и заставив этим демона служить добру. Оракул говорила, что Исихат совершил немало благих дел для Атлантии и всего мира с помощью своего Рубинового Трезубца. В войну, что разрушила города ихтионов, город-форт Агрос, торговый город Ауреус, город мастеров Афабру, город врачей-лечителей Аджуват и закрытый город Арканим, оставив только Атлантию, Рубиновый Трезубец, как и многие бесценные артефакты, был утерян. И вот, оказывается, его нашли! Нашли в руинах, Аэлло!

Гарпия часто заморгала и попробовала ободряюще улыбнуться.

– Но ведь это хорошо, правда? – сказала она. – Нашли же! Теперь ихтионы станут еще сильнее!

– Ты совсем меня не слушаешь! – возмутилась Селина. – Я о чем толкую... Рубиновый Трезубец нашли, и конвоировали его перемещение в Атлантию, для чего снарядили развед-отряд из двадцати ихтионов. И все кракену в пасть! Их обворовали! Похитили не только Рубиновый Трезубец, но и камни душ! Двадцать ихтионов осталось без камней душ! Не зря я чувствую приближение чего-то страшного... Я боюсь, Аэлло...

На вопрос гарпии, что такое камни душ, Селина легонько постучала пальцами по кристаллу на своей груди. Пальцы ихтионки дрожали, глаза так и бегали по сторонам, словно тот, кто обворовал развед-отряд, в любой момент может и ее оставить без камня.

– А эти ваши камни душ? – спросила Аэлло. – Без них плохо, что ли?

Селина тонко и жалобно застонала и взяла гарпию за руку. Пробормотала со слезами в глазах:

– Это особый амулет... В нем духовная сила, что позволяет нам долго жить, а кому-то и пользоваться магией. Источник этой силы тайна даже для многих из нас. Люди ошибочно полагают, что если употреблять нас в пищу, то можно заполучить бессмертие и излечиться от болезней. Однако это не так... На силе, заключенной в наших камнях душ, держится все подводное царство. Лиши нас их – и Атлантия погибнет. Тысячи ихтионов станут смертными. И очень, очень уязвимыми...

Селина уронила светлую головку на колени, что обхватила руками и снова принялась раскачиваться вперед-назад. Аэлло осторожно положила руку на бледное плечо ихтионки.

– Не переживай так! Найдется этот ваш Рубиновый Трезубец! И камни душ найдутся! Вот увидишь, все будет хорошо! Да и как может быть иначе – ты забыла, на что способен

Золотой Талисман? Каким бы не был сильным заключенный в рубине демон, уверена, он ничто по сравнению с мощью Талисмана!

Ихтионка подняла на нее бледное лицо с закушенной губой.

– Я не все сказала. Мне кажется, тот, кто похитил Рубиновый Трезубец, непременно придет за мной.

– Почему именно за тобой? – хмурясь, спросила гарпия. – Потому, что ты – хранитель?

Селина покусала губы и кивнула.

– Не только. Просто тот ихтион... Исихат Воин... Который одолел демона... Мой отец ведет род от него. Он наш предок. Демон, заключенный в камне, хочет поквитаться именно со мной. Я чувствую это.

Гарпия мгновенно обернулась в боевую форму, засверкав мириадами чешуек. Крылья со смертоносными стальными перьями распахнулись за спиной. Оттолкнувшись когтистыми лапами от земли, Аэлло взмыла в небо, издав воинственный клич. Опустившись на землю, вернула основную форму и снова села рядом с Селиной, тяжело дыша.

– Я сказала, пусть только попробует сунуться! Мы встретим его, все вместе, плечо к плечу! Мы не дадим тебя в обиду! Подумаешь! Какой-то паршивый демон на службе у какого-то подлого и паршивого колдуна! Среди нас самые сильные воины – неба, земли и воды! У нас Талисман, а значит, никто не посмеет тронуть тебя!

– Аэлло, ты еще побудешь у меня? – спросила Селина, робко улыбаясь. Она снова взяла гарпию за руку. – Ты так хорошо объясняешь, что ничего страшного не происходит! Ты очень успокаиваешь меня. Побудь еще, вдруг это страшное ощущение вернется?

Лицо гарпии просияло, словно ей пришла какая-то крайне удачная мысль

– Конечно! – подтвердила она, озираясь по сторонам. – Если хочешь, я вообще у тебя на ночь останусь! Мне кое с кем встречаться никак нельзя. Как бы не пришлось за прическу извиняться. То есть оно, конечно, неплохо бы... извиниться. Только принцессе Жемчужного Ожерелья не к лицу извиняться перед кем бы то ни было, тем более, перед простолюдинкой! Да и как теперь это сделать, не представляю.

– За прическу извиняться? – повторила Сел. – Ты о чем?

– Да я тут давеча перестаралась... С силой мысли... Я просто напугать ее хотела, клянусь! Я и не думала прическу ей портить. То есть думала, конечно, но не так сильно! Строф-адский вихрь! Не хотела я ее стричь, вот те вихрь!

Краснея и запинаясь, гарпия поведала все, что произошло в лесу.

– Да, – подытожила Селина. – Извиниться надо. Одно дело хотеть напугать, а другое совсем – чуть не убить ее. Перья-то у тебя... Вон какие! А если бы промахнулась? Если бы ты попала в Брестиду? Нет, как ни крути, но, кракен раздери, извиниться надо...

На это Аэлло нечего было возразить.

– Я извинюсь, – пообещала она. – Только не сегодня. Так что, можно я у тебя переночую? У Каонэль Брестиды будет искать меня в первую очередь. А мне надо хорошенько обдумать... Ну, план извинений. И это вполне может до завтра подождать... Опять же, и Брестиды остынет... Ну, насколько это вообще возможно...

– Конечно, оставайся! – разрешила Селина. – Ты только не обращай на них внимания, хорошо? Ну, если они на глаза покажутся? Проходи мимо, словно не заметила! Они стесняются. Им стыдно очень.

Аэлло захлопала ресницами, пытаясь сообразить, о ком говорит ихтионка. Вспомнив, как Тарнат рассказывал, что Селина привела домой морское чудовище и назвала его то ли Чундрик, то ли Чучупендрик, гарпия опасно поежилась.

– Ты о ком? – осторожно спросила она. – Об этих... Чучупендриках своих, что ли?

– Да нет, – успокоила ее Селина. – Чундрик у меня только один. И он очень милый и ласковый... Я об ихтионах.

– Ихтионах? – не поняла гарпия. – У тебя кто-то гостит, что ли?

– Кракен раздери! А я о чем толкую! У целого развед-отряда похищены камни душ! Двадцать ихтионов, это тебе не палец кракену в пасть! Не возвращаться же им в домой теперь! Конечно, пока проживут у меня... Пока я что-нибудь не придумаю...

– Я, наверно, чего-то не понимаю, – промямлила Аэлло. – А почему они не могут вернуться домой?

– Ну как почему!

Ихтионка всплеснула тонкими ручками с перепонками между пальцев, так ее поразила несообразительность Аэлло.

– Им стыдно! – пояснила она.

– Аргумент, – согласилась гарпия. – Так я к тебе? И нет ли у тебя чего-нибудь поесть? Рыбы там, или краба? Или рачков? Неважно каких, пусть даже совсем маленьких?

Глава 5

В жилище Селины есть своя прелесть – все-таки дом ихтионки. Купальные чаши, мраморные бассейны, фигурные фонтаны и водопады скрывает от посторонних глаз малахитовый купол, как круглая крышка защищает от мух изысканное блюдо. Если б не купол, чередование чаш и бассейнов можно было бы принять за причудливый канделябр с чашами с водой вместо подставок под свечи. В другой стороне, ближе к выходу, огромный бассейн с чистой водой.

Аэлло сначала хотела искупаться в нем, и уже свесила с бортика обнаженные ноги, принявшись болтать ими в воде, когда все же сделала выбор в пользу купальной чаши.

– Если бы только не вероятность намочить крылья, – с сожалением произнесла она, оглядываясь на бассейн.

Отметив, что в чаше вода теплее, Аэлло довольно улыбнулась и тут же забыла о бассейне. Она уселась на теплое мраморное дно, предварительно раскрыв крылья и растопырив их в стороны, чтобы не потяжелели. Юная гарпия подставила ладони под водопадик и с наслаждением умылась теплой ароматной водой. Крылья, расправленные по бокам, напоминают искусно отделанные ширмы, на стальных перьях играют блики от света и воды. Аэлло тут же представила, что попала в сказочный грот, только для фэйри и сказочных водяных фей.

С минуту любовавшись игрой света на стальных перьях и полупрозрачном малахите, Аэлло зажмурилась и подставила голову под теплые потоки. Запустив пальцы в волосы, потеряла их.

В этом положении ее и застала Брестида. Ступая на цыпочках, амазонка подошла к купальне и высыпала в чашу, из которой течет водопад на голову гарпии, какой-то темный порошок. Вода тут же зашипела и окрасилась в фиолетовый, в воздухе запахло розами и сиренью. Несколько секунд Брестида с мстительным наслаждением на лице наблюдала, как темно-фиолетовые струи покрывают, словно цветным платком, склоненную головку гарпии, а затем вышла также тихо, как и вошла.

Стоило двери в купол ихтионки захлопнуться, как по обнаженной коже плеч и рук гарпии потянуло холодком, воздух в купальне пошевелился, словно зевая в томной неге этого царства воды и чистоты.

– Селина, это ты? – позвала Аэлло, не открывая глаз.

Ей не ответили, но она готова была поклясться, что несколько секунд назад слышала чью-то легкую поступь, словно кто-то на цыпочках пробежал по мраморным плитам пола.

Аэлло отбросила мокрые волосы за спину. Прежде чем открыть глаза, хорошенько потеряла их. Вроде чей-то силуэт мелькнул за полупрозрачной малахитовой стеной, а может, показалось.

Опуская пальцы в теплую воду, Аэлло блаженно смежила веки, чтобы в следующий миг заорать и подскочить на месте, выплеснув добрую половину содержимого чаши на мраморный пол.

Белые плиты тут же окрасило розовым.

Как и белые кудри гарпии.

Спустя несколько секунд злая, в прилипающем к мокрой коже платье, стараясь не распахивать крылья, чтобы не порушить все к вихрю в хрупком доме Селины, гарпия выскочила за двери.

Ихтионка сидит все в том же положении, обнимая колени руками и смотрит на морской горизонт, словно не двигалась с места со вчерашнего дня. На лице – то же отстраненное выражение, только сегодня ихтионка кажется еще бледнее. Глазища красные – не только радужка, но и белки, а веки усталые, припухшие.

Когда тень от серых крыльев гарпии упала ей на лицо, а расправленное крыло заслонило море, Селина подняла глаза на Аэлло.

Ничуть не меняясь в лице, ихтионка меланхолично произнесла:

– А тебе идет.

И опять уставилась вдаль.

Аэлло задохнулась, набирая побольше воздуха в легкие, собираясь заорать так, чтоб у Южной речки птицы с веток попадали, но, прежде, чем гарпия успела что-то сказать, Селина невинно спросила:

– Тебя нашла Брестида?

Аэлло выдохнула.

Нахмурившись, она провела носком сандалика линию на земле.

– Брестида? – переспросила она, шурясь.

– Ну да, – удивляясь непонятливости Аэлло, подтвердила Селина. – Она искала тебя, буквально несколько минут назад. Я сказала, что ты у меня.

– А она что?

Ихтионка пожала хрупкими плечиками.

– Она сказала, что принесла тебе красящий цветочный экстракт, как обещала. Я спросила ее, не злится ли она, что ты ее... немного... подстригла.

Произнося «немного», ихтионка потупилась, даже щеки заалели, что говорит о том, что ихтионка преуменьшает реальную картину.

– А она?

– А она сказала, что грех обижаться на убогих... И что-то вроде того, что на детские выходки надо отвечать детскими выходками, мол, не убивать же тебя теперь. Но ты не переживай, я сказала ей, что ты очень сожалеешь... Ты же сожалеешь, правда? И что вчера ты собиралась извиниться... Ты же извинишься перед Брестидой, Аэлло?

По мере рассказа ихтионки щеки Аэлло багровели, а глаза щурились, пока не превратились в узкие зеркальные щелки. Селина, не замечая настроения гарпии, продолжала:

– Она зашла... а потом сразу вышла. Аэлло...

Селина поежилась, словно замерзла, и произнесла каким-то обреченным тоном:

– Я чувствую магию воды... Она совсем близко! Если то, что Оракул говорила про Рубиновый Трезубец правда, то в действии с магией воды это страшно, и это приближается... Приближается ко мне, к Цитадели, к Атлантии... От этого нет спасения! Я боюсь, Аэлло!

– Я ее убью, – сообщила Аэлло. – Извинюсь и убью.

Гарпия взмахнула крыльями, оттолкнулась от земли и вскоре превратилась в точку. Селина закусила губу и обхватила себя за плечи.

Брестида нашлась, ожидаемо, возле своего дома, маленького и скромного, с просторной конюшней. Сверху из-за рыжих волос, торчащих во все стороны, была похожа на огневушку, но по мере снижения Аэлло превратилась в амазонку с перекошенным от гнева лицом, задраным вверх.

В руках у амазонки натянутый лук, тетива впивается в щеку. Закусив губу, Брестида не сводила глаз с кружащей в небе гарпии. Тугой кожаный лиф с трудом сдерживает содержимое декольте, что так и ходит вверх-вниз от гневного дыхания. На бедрах, под росписью татуировок, широкий кожаный пояс-доспехи, из-под него выглядывает короткая зеленая юбка. На ногах не сапоги для верховой езды, как обычно, а удобные кожаные туфли, тонкие полоски-завязки от них поднимаются к коленям.

Решив, что лучшая защита – нападение, Аэлло вытянула крыло перед собой, наводя стальное перо на цель.

– Мало я тебе прическу попортила, – пробормотала сквозь зубы Аэлло, прицеливаясь в булыжник у ног амазонки.

Гарпия не успела метнуть перо – что-то вжикнуло вдоль щеки, растрепав волосы.

Вторая стрела срикошетила в сторону, звякнув о стальное перо.

Чтобы не столкнуться с третьей, гарпии пришлось перевернуться в воздухе.

Под четвертую стрелу поднырнула, не дожидаясь, пока долетит.

Брестида уверенно натянула лук в пятый раз, и Аэлло камнем рухнула вниз. Крылья раскрыла только у самой земли, прямо перед носом Брестиды.

Грациозным движением амазонка опустила лук.

Гнев на красивом, надменном лице сменился другой эмоцией.

Уголки пухлых губ поползли в стороны, зеленые кошачьи глаза сощурились. Брестида и сама напоминает кошку – крупную и опасную хищницу, сжатую пружиной, готовую в любой момент разжаться, прыгнуть, запустить когти в добычу.

С видимым удовольствием Брестида окинула взглядом розовую шевелюру Аэлло. Даже присвистнула восхищенно-издевательски.

Судя по вздыбленным волосам и покрасневшему лицу, особенно по лбу и щекам, видно, как отчаянно гарпия пыталась оттереть волосы. Брестида хмыкнула.

– Красота, – протянула она. – Правда, несколько ярко. Не находишь? Глазам больно смотреть.

Изобразив на лице сочувствие, амазонка часто заморгала.

Направив указательный палец на висок, прямо на розовые кудри, гарпия с ненавистью прошипела:

– Это все ты!

Брестида в ответ указала на свою прическу: вместо привычного пучка, рыжие локоны торчат в разные стороны. Сильно укороченные, волосы торчат во все стороны, обрамляя голову амазонки рыжим шлемом. На гладкий лоб наискосок спускается густая прядь. Лицо воительницы растеряло строгость и надменность, вид стал дерзкий и немного мальчишеский.

– Можно подумать, это – птеринг! – заявила Брестида, зло улыбаясь.

– Меня кто-то звал? – спросил, снижаясь, Керкегор, явно обращаясь к амазонке, но не сводя взгляда с розовой шевелюры гарпии. Взгляд у Керкегора осуждающий, так родитель смотрит на ребенка, сделавшего на лбу татуировку воина, притом, что ребенок – девочка.

Не обращая внимания на Керкегора, Аэлло нагло воскликнула:

– А тебе идет!

– Что? Кому? – закрикотал птеринг.

Из-за здания Цитадели показались Страг с Теонардом, посреди невысокий приземистый силуэт Тарната. Все трое замерли, приложив ко лбам ладони. Взгляды троих прикованы к копне розовых кудрей.

– Вы поменяли прически? – попал пальцем в небо Керкегор, вызвав злобный свист гарпии.

– Ага, поменяли! – зло воскликнула она. – Ты только посмотри на Брестиду, как ей идет!

– Так и тебе идет! – не осталась в долгу Брестида, и зеленые глаза словно засветились изнутри от гнева. – Как раз на свой жемчужный насест, или что там тебя ждет! Хороший попугай получился!

И амазонка издевательски расхохоталась.

С криком «Ах ты, лошадь!» маленький смерч взвился над землей и ринулся на обидчицу сверху, сбив ту с ног.

Комок, над которым топорщились рыжие, как огонь, пряди и локоны цвета взбесившейся розы, с хлопающими по сторонам крыльями, покатылся по земле.

Сверкающая зеркальцами глаз Аэлло недолго оставалась сверху, отвешивая амазонке оплеухи. Более сильная и ловкая, Брестида повергла гарпию на землю ударом в челюсть. Но поднять под себя не успела: Аэлло лягнулась, отползая и, взмахнув крыльями, вскочила на ноги.

Взлететь гарпия успела, а подняться над землей нет – что-то крепко ухватило за ногу, дергая вниз.

Аэлло судорожно замахала крыльями, поднимаясь в небо вместе с амазонкой, но надолго ее не хватило.

Набрать высоту препятствовало еще то обстоятельство, что Брестида дергалась, вцепившись в ногу Аэлло двумя руками, а когда гарпия принялась лягать ее свободной ногой, второй рукой ухватила за нее.

Собравшиеся внизу Тарнат, Страг, Теонард и Керкегор, с одинаковым выражением лиц, несмотря на то, что одно лицо с клювом, задрав головы, наблюдали за дракой.

– Может, поможешь? – спросил Страг, хлопая по плечу Керкегора, показывая взглядом на крылья птеринга.

– Кому? – задумчиво спросил Керкегор, а Страг коротко выругался.

Выражения лица Керкегора стало еще более надменное. Он демонстративно отступил от Страга, чуть приподняв крылья. Встал рядом с гномом, смерил того довольным взглядом и горделиво расправил плечи, выпятив мускулистую грудь.

Тарнат покачал головой и проговорил презрительно:

– Клювастый прав. Мужiku в женскую драку... Это не по Вежеству!

Птеринг удовлетворенно проклекотал что-то, из чего никто не понял ни слова.

Сверху раздался визг и ругань. Страг нахмурился, глядя в небо. Переведя взгляд на хранителей, заметил, что Глава сам не свой – брови хмурит, переступает с ноги на ногу, даже как будто пробурчал что-то себе под нос.

Страг кашлянул, и хмуро сказал арбалетчику:

– Теонард! Ну ладно эти... нелюди, но ты ж человек, значит, нормальный. Разнять их надо...

Теонард сглотнул.

– Керкегор! – сказал он. – Страг прав. Надо что-то делать! Они же упадут, разобьются, порежутся! Лети и разними их сейчас же!

Птеринг снова фыркнул что-то надменно-невразумительное, и сообщил, что крылатая с бескрылой слишком перепутались, и ему одному их не разнять, надо звать горгулью, или горгону.

– За горгоной, если нужно, могу слетать! – сообщил он с готовностью, обращаясь почему-то к Тарнату.

Гном никак не отреагировал, силясь изогнуть шею, словно лебедь, чтобы не пропустить ни одного момента воздушной драки.

– Между прочим, у Аэлло перья стальные! – не выдержал Теонард.

– И что? – не понял Тарнат. – Сам не видишь, что ли, убивать друг друга они не собираются?

Рядом с ним в землю, одно за другим, впились два стальных пера, и, отпрыгнув, гном воскликнул:

– Горное Лихо!

Подумав, добавил уже не так уверенно:

– Вроде бы не собираются...

Когда хлопающий серыми крыльями комок со всего размаху обрушился на землю и распался на две женские фигурки, одну в кожаных доспехах, другую в задранным платье, с воинственно расставленными крыльями за спиной, мужчины бросились разнимать амазонку и гарпию.

Тарнат и Страг, переглянувшись, бросились на амазонку одновременно, хватая ту за руки. Тарнат даже повис на обманчиво хрупком плече, из-за чего только вскочившая на ноги Брестида опять рухнула на землю. Вместе с ней, ругаясь, упал и Страг.

Теонард и Керкегор вцепились в руки гарпии, не давая той взлететь. Отбиваясь, как дикий сапсан, Аэлло яростно выкрикнула:

– Лошадь!

Амазонка, пытающаяся подняться с земли, и потому лягая Страга, упавшего на нее, в долгу не осталась:

– Попугай!

– Ты – простолюдинка! А я наследница! – вопила Аэлло.

– Вижу, какая ты наследница! Наследница попугайского острова!

– Лошадь!

– И фантазия у тебя хромает!

– Какая еще фантазия, это правда!

– Да давайте уже делать что-то, в конце концов! – завопил Тарнат. – Страг! Потасили эту фурию подальше, а вы – свою! Да не лягайся ты!

– А она кусается! – раздался обиженный голос Теонарда.

– Уберите руки! – орала Брестида. – Дался мне этот попугай!

– Конечно! – орала в ответ Аэлло, отплевываясь, потому что в рот набились перья с крыльев птеринга. – Зачем кобыле птица!

– А ну, руки прочь от старшей конного разъезда западного крыла!

По лицам Теонарда и Керкегора видно – сзади не шутят. Брестида дергаться перестала, разъяренное лицо снова стало надменным.

Обернувшись, Тарнат сглотнул.

Позади выстроился ряд амазонок. Брови нахмурены, губы поджаты, ноги словно вросли в землю, в руках натянутые луки. Три стрелы смотрят в спину Страгу, еще три – прямо в лоб Тарнату.

Гном даже присел, снова помянув горное Лихо.

– Руки убрали, – процедила амазонка.

Страг, которого не так легко испугать, тем более полуголыми женщинами, хоть и свирепого вида, спокойно сказал:

– Если обещаешь, что успокоишься и драться не будешь.

– Обещаю! – поспешно ответила Брестида.

– С Аэлло, – хмуро добавил Страг.

Амазонка сердито прошипела что-то, словно большая рыжая кошка, наконец выплюнула презрительно:

– Ладно.

Руки осторожно отпустили, Брестида дернула ими, разжимая кулаки и над хранителями закружились серые перья и белый пух.

– Ты обещала, – предупредил амазонку Тарнат, косясь на стоящих сзади фурий с луками.

– Нужна она мне! – рявкнула Брестида. – Пускай хоть проваливается в Пекельное Царство! Вместе с вами со всеми! Сволочи вы!

Амазонка свистнула. Поднимая клубы пыли, к ней приблизился рыжий конь.

– Старшая, – робко позвала воительницу одна из амазонок. – Ты куда?

Буркнув, что съездит на Южную речку, остыть, Брестида вскочила на лошадь без уздечки и седла, ударила рыжие бока пятками. Высоко подбросив передние ноги, конь с места взял в карьер, мимо домишек амазонок. Рыжий вихрь промчался по направлению к лесу, пока не скрылся за деревьями.

Переругиваясь, не переставая вслух возмущаться, разошлись и амазонки.

Страг, не оглядываясь направился в сторону своего замка.

Тарнат задумчиво повертел головой – то в сторону уходящих амазонок, то в сторону Страга. Наконец, сделал выбор, и с криком:

– Девочки! Подождите! Вы что, обиделись?

Скрылся среди невысоких домиков.

Глава 6

Над головами захлопали крылья.

Здрав лица, Теонард и Керкегор разжали руки. На землю перед ними опустилась горгона, прижимая короткое платье к бедрам.

Вид у Эвриалы встревоженный: изящные брови нахмурены, ресницы хлопают, губа закусена.

– Что здесь происходит? – спросила она, окидывая взглядом взъерошенную гарпию.

Аэлло, отплевываясь, отряхнула руки, крылья пару раз хлопнули за спиной, пока гарпия складывала их поудобнее. Затем, пригладив мятое платье, она принялась яростно продергивать пальцы сквозь розовые, до середины бедра кудри.

По мере того, как пальцы Аэлло продирались сквозь розовую шевелюру, изящные брови горгоны приподнимались. Эвриала даже рот открыла, переведя взгляд на Теонарда и хлопая ресницами.

Теонард, явно смутившись, хотел было что-то сказать, но птеринг опередил его:

– Происходит прямое доказательство, что птеринги куда умнее... прочих крылатых, – произнес он напыщенно и заморгал, когда горгона махнула на него рукой, вновь вопросительно воззрившись на Теонарда.

– Аэлло подралась с Брестидой, – пояснил тот.

Горгона почему-то покраснела.

– Аэлло, это правда? – нарочито строго спросила она.

Гарпия не ответила, только с тоской посмотрела в небо.

– Аэлло, – мягко позвала горгона.

Аэлло обреченно вздохнула.

– Да, подралась, и что? Эта простолюдинская лошадь во всем виновата! Зато ты даже представить не можешь, как здорово я ее проучила!

Под конец Аэлло перешла на крик, то ли вспомнив Брестиду, то ли не в силах совладать с волосами, не желающими ложиться ровно.

– Аэлло!

Щеки горгоны тронул нежный румянец, видимо, стыдно стало за подругу.

– Здесь мы все равны!

– Да, Аэлло! – поддержал горгону Теонард. – Мы все здесь равны!

– Кто бы сомневался! – взъерепенилась гарпия. – Конечно, ты на стороне рыжей лошади!

Предатель.

Теонард задумчиво потер кончик носа и вопросительно взглянул на горгону.

Эвриала повелительно произнесла:

– Оставьте нас! Пожалуйста, – добавила она уже мягче. – Мы сами разберемся.

Когда все разошлись, горгона набросилась на Аэлло – в трепетном, бархатном голосе Эвриалы так и звенит тревога напополам с отчаяньем:

– Что происходит? Где ты была всю ночь? Аэлло! Ты могла хотя бы предупредить меня, что не прилетишь ночевать? И на кого ты похожа? Платье разорвано, вся растрепана, и, прости, не могу не спросить – что у тебя с волосами?

– У ихтионки, – невпопад ответила Аэлло, игнорируя остальные вопросы.

– А с волосами что?

– Эта рыжая лошадь покрасила, – пробубнила Аэлло, ковыряя носком сандалика землю.

– Как покрасила? Почему?

– Ну, – протянула гарпия, тоскливо провожая глазами косяк гусей, летящий по небу. – Наверно, за то, что я ее случайно подстригла.

– Что?! – изумилась горгона.

– Да, наверно из-за этого, – подтвердила гарпия, продолжая наблюдать за гусями. – Вряд ли просто сдуру.

И Аэлло помахала рукой гусям.

– Там у меня гусь знакомый, – сообщила она хлопающей ресницами горгоне. – Даже два.

Эвриала прижала пальцы к вискам, нахмурилась. Молочно-белая кожа потемнела, темные бархатные глаза нехорошо сверкнули медным отблеском.

– Аэлло! Может, хватит?! – голосом, не предвещающим ничего хорошего, проговорила горгона. И виновато добавила: – Ведешь себя, как ребенок!

Аэлло насупилась.

– Я разве виновата? Эта лошадь рыжая первая начала! Я, между прочим, тебя защищала!

Эвриала медленно закрыла и открыла глаза. В бархатном голосе зазвучала медь.

– Вот как? Меня, значит, защищала? А кто просил тебя?!

Гарпия промолчала. Но ресницами захлопала с утроенной силой.

– Аэлло! Или ты рассказываешь все по порядку, или...

– Рассказываю, – сказала Аэлло, на всякий случай шмыгнув носом.

Отлично отработанный трюк на этот раз не прошел, добрая горгона смотрела на Аэлло недовольно и требовательно. Поэтому пришлось поведать все, с самого начала: как стучалась в башню к Главе, как никто не открыл, как проходящий мимо гном сказал, что Теонард с Брестидой поехали в южном направлении, как увидела их на речке, как нечаянно, совсем-совсем нечаянно сбрила пучок с макушки Брестиды, и как та в отместку подло покрасила ее в розовый...

По мере рассказа Аэлло лицо Эвриалы вытягивалось, а в глазах плескалась тревога.

Когда Аэлло закончила живописать драку, пожаловавшись на вероломство хранителей, которые спасли амазонку от справедливого возмездия, горгона замахала на нее руками.

– Ты совсем еще ребенок, Аэлло! – гневно возопила горгона. – Ты ничего, ничегошеньки не понимает в жизни! В отношениях! В отношениях хранителей!

– Как это не понимаю, – попробовала возмутиться Аэлло, когда горгона одернула ее.

– Помолчи, пожалуйста! Я услышала достаточно! Ты должна немедленно извиниться перед Брестидой!

– Да она меня чуть из лука не подстрелила! – завопила Аэлло. – А челюсть, между прочим, до сих пор болит!

– Да, извиниться! – продолжила горгона. – Ты что, не понимаешь? Твой дурацкий, необдуманный, детский поступок может внести раскол между нами!

На вопрос Аэлло, и что же тут такого, горгона грустно проговорила:

– А мир между хранителями итак постоянно на грани... В прошлый раз Каонэль еле удалось сохранить баланс! И если из-за твоих детских выходов хрупкий мир пошатнется, пеняй на себя!

Аэлло потупила зеркальца глаз, принялась чертить носком сандалика линии на песке.

– Так ты извинишься? – мягко спросила горгона.

Аэлло в ответ скривилась, словно у нее разболелся зуб, и с тоской посмотрела в небо.

Горгона зло проговорила:

– Если так, то я сама полечу и попрошу за тебя прощения! И знаешь, что? Тебе должно быть стыдно! Если доросла... до своих лет, и так и не научилась до сих пор отвечать за свои поступки.

Не успела Эвриала расправить крылья, как гарпия виновато буркнула.

– Ладно уж, я сама...

Клюнув горгону, пока та не опомнилась, поцелуем в щеку, Аэлло распахнула крылья, и, оторвавшись от земли, взмыла в небо.

Чем ближе Аэлло подлетала к Южной речке, тем большей тяжестью наливались крылья. Мышцы спины и крыльев казалось, вот-вот сведет судорогой, а в животе недовольно урчало. Стоило подумать о пышных, румяных пирогах Эвриалы, что одиноко томятся где-то там, в дереве Каонэль, рот наполнялся слюной, очень хотелось посмотреть, а потом и повернуть назад.

Вытянутые ноги отчего-то болтались и казались вовсе какими-то неудобными.

Пальцы рук сжимались и разжимались, сами собой складываясь в знаки. Причем, если на одной руке знак складывался в фигуру, означающую съестное, то другая рука тут же принималась изображать мольбу, а когда съестное переходило в «тихо!» пальцы другой руки временно изображали «покорность».

Хуже всего, что внимание ускользало: взгляд то следил за пролетающими внизу птицами, что носятся с распахнутыми клювами за насекомыми, то останавливался на прогалинах между деревьями, то перед глазами снова представляли пироги, так явно, что Аэлло почти ощущала исходящий от них жар, а ноздри трепетали от умопомрачительного аромата.

Стараясь не думать, как она будет извиняться перед амазонкой, и поэтому думая об этом с особенной горечью, Аэлло помотала головой, бормоча под нос слова извинения, которые почему-то больше походили на ругательства. Ветер, казалось только этого и ждал: стоило гарпии забубнить, как он тут же набил открывшийся рот волосами. Отплеываясь и ругаясь в голос, гарпия пошла на снижение.

Подошвы коснулись земли, колени спружинили, Аэлло оправила задравшееся платье, прижимая белую ткань к бедрам, и уставилась на ворга.

Лотер стоял возле крепкого кряжистого дуба, потирая ушибленный лоб. Непонятно – то ли приложился недостаточно сильно для перекидывания, то ли что-то отвлекло в последний момент.

Взгляд Лотера рассредоточенный еще секунду назад, поднялся к лицу Аэлло.

Ворг поздоровался низким, хриплым голосом:

– Привет... гарпия.

– Сам гарпия, а у меня имя есть! – фыркнула взвинченная Аэлло, и, прежде чем Лотер успел что-то сказать, а она сама пожалеть о своей грубости, оттолкнулась ногами от земли, взмывая над верхушками сосен.

– Я те дам гарпия! – раздалось ей вслед.

Еще какое-то время казалось, что позади лязгают чьи-то зубы.

Аэлло спустилась на берег южной речки, и, отдышавшись, думала уже снова подняться в воздух, когда взгляд зацепился за следы на песке. Гарпия сощурилась, ставя ногу в аккуратном сандалике на плоской подошве рядом с чужими следами. Узкий след с острым носом, явно оставила Брестиды. Она сегодня была в таких туфлях.

Следы, оставленные Брестидой, неглубокие, амазонка легкая, она шла уверенной поступью, плавно перекачиваясь с пятки на носок.

А вот другие следы, которые никак не могут принадлежать изящной амазонке, заставили Аэлло нахмуриться. Их много, и, Аэлло готова была поспорить, от них как будто пахнет чем-то, что заставляет сердце холодеть и пугливо замирать. Это запах страха, поняла гарпия.

Глубокие – сразу видно, что хозяева намного тяжелее Брестиды.

– Раза в два, а то и в три, – сделала гарпия вывод вслух, сосредоточенно морща нос.

И как они шли, Аэлло не понравилось – такое ощущение, что переступали с носка на пятку, так ходят, когда стараются не шуметь. Эвриала так ступает, когда думает, что подруга спит, а сама мается в любовном томлении.

– А еще так ходят, когда выслеживают добычу, – пробормотала Аэлло.

Высокий лоб юной гарпии прорезали складки, натягивая кожу, кулачки сами собой сжались.

Решив не взлетать, чтобы не привлекать внимания, Аэлло двинулась по следам, продолжая разглядывать чужие. Она пыталась представить, кто мог оставить такие.

Присмотревшись, гарпия насчитала отпечатков от шестерых или семерых людей. Стоило пройти немного дальше, как стало видно – первые двое специально не наступали на следы амазонки, явно выслеживая ее, остальные шли следом и были уже не столь щепетильны.

Аэлло нахмурилась.

Она вспомнила, что прилетела сюда наладить мир с Брестидой, и обрадовалась, что кажется, успела вовремя.

Следы преследователей глубокие, но формой похожи на следы, что оставила амазонка, вытянутые, чуть островатые носы, скошенные или стоптанные задники. Обуты не все, половина шествует босиком, надо думать, для тишины.

Засмотревшись на отпечаток босой ноги, в два раз больше следа Брестиды и почти в три – самой Аэлло, гарпия чуть не провалилась в земляной колодец. Когда нога соскочила в пустоту, испуганно захлопала крыльями, с пышных кустов в мелких розовых бутонах посыпались срезанные острыми перьями ветки.

Следы тянутся вверх по реке, словно хотят нарочно завести гарпию подальше от Цитадели.

Южная речка совсем сузилась, точно не желает попадаться в жадные лапы деревьев, подступившие с обеих сторон.

Когда на пути встречались выкорчеванные ураганом необъятные стволы, коряги, груды веток, крылья Аэлло распахивались. Приходилось каждый раз одергивать себя, напоминая, что вверх нельзя, могут заметить. В том, что намерения чужих людей по отношению к амазонке недобрые, Аэлло почему-то не сомневалась.

Впереди послышалось ржание и топот. Навстречу Аэлло выскочил конь Брестиды без седока. Гарпия опасливо отшатнулась от рыжей зверюги. Тот снова заржал, на этот раз грустно, заунывно, словно собака скулит. Аэлло осторожно протянула руку к рыжей морде.

Из лилового ока стекла одинокая слеза. Конь тыкнулся бархатным носом в руку гарпии, вздернул голову, закивал, словно хотел рассказать или попросить о чем-то. Нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

– Что, неприятности у твоей хозяйки? – нахмурившись, спросила гарпия у коня.

Тот снова заржал, подскочил на месте, подбив задом.

Гарпия отшатнулась, распахивая крылья.

– Нет, ты мне не помощник, – пробормотала Аэлло, складывая крылья. – Что ты? Хочешь, чтобы я на тебя села?

Конь ударил землю копытом и заржал.

– Нет уж, я тебя боюсь, – честно сообщила коню гарпия, радуясь в душе, что он никому не расскажет.

Взгляд рыжего стал таким грустным и осуждающим, что Аэлло стало стыдно. Она снова протянула руку, намереваясь успокоить животное.

Конь мотнул головой, взревев, встал на дыбы и замолотил копытами воздух. Грузно опустившись, снова подбил задом, и скрылся между деревьев, безошибочно определив путь к Цитадели.

Аэлло поспешила дальше, хмуря лоб и не сводя взгляд со следов.

Ветер донес голоса – в основном мужские. Сквозь их нестройный хор уверенно пробивается один женский, хорошо знакомый.

Присев, Аэлло продолжила путь наполовину ползком, наполовину на четвереньках, и когда приблизилась к небольшой опушке, где деревья отступили от реки, спряталась за гладким серым стволом.

Осторожно выглянув из-за дерева, поняла, как была права, решив не взлетать: четверо из окруживших амазонку мужчин оказались вооружены луками. Готовые сорваться стрелы смотрят вверх в четырех направлениях. Еще одним неприятным открытием оказалось количество окруживших Брестиду – не шесть, и не семь, как насчитала гарпия по следам, а целых восемь!

На лице стоящей в окружении бандитов амазонки отчетливо написано презрение: губы поджаты, щеки втянуты, что делает скулы еще более выпуклыми. Между изящных бровей складка, которая смотрится сердито и одновременно гармонично. Чуть прищуренные глаза – зеленее листьев.

Руки Брестиды спокойно висят вдоль тела, но наблюдающей из-за дерева Аэлло отчетливо видно, как ловкие пальцы медленно, незаметно приближаются к ножнам на широком кожаном поясе. Оказывается, попытку Брестиды завладеть саблей заметила не только юная гарпия.

– Ну-ка, гадина, руки подними! Так, чтоб я видел! – приказал, хмуря брови, чужеземец, что стоит напротив.

Остальные загомонили, торопя амазонку.

– А ну шевелись, амазонка!

– Не слышала, что атаман сказал?

– Уль, дозволю я с ней поговорю?

– У меня лучше выйдет!

Обращаясь к тому, кто сказал Брестиде поднять руки, почтительно склоняют головы.

Пристально следя за амазонкой, атаман важно скрестил ручки на могучей груди. Высокий, хотя тот же Лотер его на полголовы выше, но какой-то широкий, с мощными длинными руками, перевитыми веревками мышц. Одет в черную кожаную жилетку и широкие алые портки, на ногах кожаная обувь с вытянутыми носами. Загорелое скуластое лицо сосредоточенно, недобрый взгляд черных, глубоко посаженных глаз так и бурлит Брестиду.

Побледневшие губы амазонки, дрогнув, поползли в стороны, растягиваясь в издевательской улыбке. Зеленые глаза сощурились:

– Презренные ящероголовые... Только и годитесь, что ввосьмером на одну безоружную. Женщину!

Последнее слово Брестиды выплонула, презрительно кривя рот, и самодовольно усмехнулась. Судя по реакции воинов, амазонка только что нанесла им тягчайшее оскорбление. Даже лучники прекратили обозревать небесные горизонты и устремили свои стрелы на амазонку.

Оглядев наведенные на нее стрелы, Брестиды, как стояла с поднятыми руками, так и расхохоталась. Приподнятая грудь заходила в кожаном лифе, а тот лучник, что стоит спереди, сглотнул.

– А ну заткнись! – скомандовал главный. – А вы все, не отвлекайтесь! Маг сказал, здесь водятся смертоносные птицы.

Одна точеная бровь Брестиды чуть приподнялась.

Стоило воинам вновь нацелиться в небо, как атаман снова заговорил:

– Думаешь, мне не понятны твои помыслы, амазонка? Ты специально дразнишь нас, пытаешься спровоцировать лучников в надежде на легкую смерть. Но ты не умрешь так легко. Я, Уль, атаман сагатских племен, обещаю тебе, что ты сполна ответишь за то, что совершила.

На этот раз обе брови Брестиды поползли вверх.

– И что же я совершила? Ты может, объяснишь, наконец, в чем меня обвиняешь? Прежде, чем наброситесь ввосьмером на безоружную женщину! И еще непонятно, кстати, чей верх будет! Но определенный шанс у вас есть... Один на тысячу. Нет, на миллион.

Окружающие Брестиду зарычали так, что Лотер бы позавидовал, а ей это только прибавило веселья.

Главный же остался невозмутим. Его губы под тонкой щеткой усов тоже нехорошо растянулись в улыбке, и от этой улыбки все внутри Аэлло похолодело. Судя по тому, что Брестиде сглотнула, амазонка больше храбрилась, чем говорила всерьез.

– Смейся, смейся, – тихо проговорил атаман. – Скоро ты умоешься кровавыми слезами. Ты спрашиваешь, в чем тебя обвиняют? Я напому, если память тебе отказала. Если вдруг ты забыла, как убила Краса! Ты убила сагата, чтобы завладеть Золотым Талисманом! И теперь, мы, сагаты, пришли за тобой.

По лицу амазонки пробежала тень.

Она хотела что-то сказать, но атаман не дал ей такой возможности. Властно подняв руку и повысив голос, он продолжил:

– Ты убила Краса, гадина! Подло ударила в спину того, кто открылся тебе! Ты с самого начала затеяла весь этот цирк с кражей Энем-шамана, и с вашим побегом из Лесостепья! Ты подло пустила в ход свои женские чары, чтобы самой завладеть Талисманом!

Аэлло увидела, как Брестиде сжала челюсти, еще выше поднимая подбородок, смотря перед собой из-под полуприкрытых век. Сначала, когда Уль только начинал говорить, она собиралась что-то сказать, одна рука даже опустилась и коснулась груди, но стоило Улю продолжить, амазонка замолчала. Бледная, недвижимая, она внимала обвинительным речам, словно все это ее не касалось.

– За то, что ты лишила сагатов чести стать хранителями Талисмана, за подлое убийство нашего славного воина ты приговорена к самой страшной из смертей. Можешь не хвататься за свой жалкий осколок. Расправившись с тобой, мы получим весь Талисман.

Аэлло решила, что пришла пора вмешаться.

Осторожно кашлянув, бело-розовая фигурка вышла из-за дерева, предварительно постукав по стволу костяшками пальцев.

Глава 7

– Послушайте, – постаралась опередить воинов гарпия, – я не знаю, как там Брестида поступила с вашим воином... когда-то, но отнять Талисман невозможно.

Свирепого вида воины остолбенело уставились на девочку-подростка с розовыми волосами в длинном просторном платье.

Аэлло, в свою очередь, изучала сагатов вблизи. Опаленные солнцем лица, вздыбленные чубы на загорелых макушках, мощные, рельефные торсы. Все, как один, огромные и коренастые, в ножнах короткие, хищной формы сабли, мотки кнутовищ на поясах. Руки лучников, что все это время стоят, натянув тетиву, перевиты веревками мышц.

На юном лице гарпии не отразилось ни одной эмоции, словно вокруг не свирепые воины, а грибы. Скрестив на груди тонкие руки, она уставилась на атамана, чуть наклонив шею.

При виде гарпии амазонка скривилась так, словно лошадь лягнула ее всеми четырьмя копытами сразу. Реакция амазонки на ее появление не ускользнула от Аэлло, и гарпия невозмутимо пожала плечами, чуть закатив глаза.

– Это еще кто? – спросил главный, ни к кому конкретно не обращаясь.

На лицах воинов красноречиво проступил вопрос: «Кто отпустил в лес ребенка?»

Брестида шумно вздохнула и чуть повела руками, которые начали затекать в неудобном положении.

– Это мой враг, – с неохотой сказала она. – А, значит, ваш союзник. Не трогайте ее...

– Не хватало еще с бабами воевать, – скривился атаман. – Тем более, с детьми.

Брови амазонки чуть поднялись.

– А я кто?

– Ты – амазонка, – отрезал он сердито. – А значит, не женщина, а исчадие Пекельного Царства.

Видимо, с последним заявлением воина амазонка могла бы поспорить, и поспорила бы, если бы Аэлло снова не вмешалась:

– Вы извините, что я вам мешаю, но, во-первых, я совсем даже не ребенок, а во-вторых, отпустите Брестиду, пожалуйста. Не знаю, что она сделала с этим вашим Красом, но все же это не повод, чтобы нападать ввосьмером на одну безоружную женщину.

Брестида нагло усмехнулась.

– Вот видите, даже ребенок понимает, что вы трусы.

Стрелы, секунду назад направленные в небо, уставились в грудь Аэлло.

Брестида щелкнула пальцами, мол, что я говорила, и весело подмигнула, но не Аэлло, а атаману:

– А ты говоришь! А вы не только с бабами, но и с детьми воюете. Да и умом не особо крепки, все в мышцы ушло.

Главный нахмурился, и, прежде, чем глубокая морщина пролегла между бровями, все четыре стрелы оказались направлены в небо. Руки лучников даже не дрогнули, даром, что держат натянутые луки уже несколько минут.

Уль обернулся к Аэлло.

– Дитя! – начал было он, но гарпия гневно топнула.

– Я не дитя, я – хранитель!

Атаман уставился на золотую пластину на тонкой цепочке на шее Аэлло, только сейчас заметив ее.

Заставив себя оторвать взгляд от осколка, он продолжил, но говорил по-прежнему так, словно объяснял ребенку:

– Эта... Эта гадина обманула Краса! Она обольстила его! Вывела все наши секреты... а затем подло убила ударом в спину! Подумай, ди... сама, нужен ли Талисману такой хранитель, как эта... эта?

Аэлло, которая в силу последних событий втайне и сама считала, что без Брестиды всем зажилось бы лучше, тем не менее, упрямо сказала:

– Но она билась за Цитадель! И она доказала, что достойна! А вы, вместо того, чтобы явиться открыто, и говорить со всеми нами, отслеживаете женщин в лесу.

На щеках атамана заходили желваки, и он нарочито спокойным тоном, от которого у Аэлло внутри все похолодело, продолжил:

– Если бы она была повинна в чем-то, имеющем отношение к настоящему, мы, сагаты, которые славимся на все Лесостепье своей мудростью и справедливостью, так бы и сделали. Но на этот раз мы пришли судить ее за былое!

Гарпия нахмурила лоб, окинула Брестиду оценивающим взглядом. Амазонка сверкнула зелеными кошачьими глазами, но взгляда не отвела.

– Хорошо, – сказала Аэлло атаману. – Судите. Мне она не дорога. И я совсем не удивлена, что она крупно насолит кому-то в прошлом.

– Ничего другого я от тебя и не ждала! – не выдержала Брестиды. – Давай уже, иди отсюда!

Слово «иди» амазонка выделила особым образом, и Аэлло, которая действительно намеревалась скрыться тем же способом, что и пришла, конечно же, воинственно распахнула крылья, заставив Уля крикнуть. Порыв ветра от крыльев гарпии растрепал чубы сагатов. Оттолкнувшись от земли, Аэлло взмыла в небо.

Брестиды коротко выругалась.

Опомнившийся Уль заорал на лучников:

– Это она! Это о ней маг говорил! Когда говорил остерегаться смертоносных птиц! Он следил за Чужеземьем! Да стреляйте же! Дубины!

Те недоумевали:

– По ком стрелять-то?

– По девчонке, что ли?

Голоса их звучали немного обиженно, от Брестиды не укрылось, что у одного, самого молодого, дрогнула рука.

Одновременно с Улем разразился грязной бранью еще один сагат, причем своей руганью очень мешал атаману. Он плевался, ругался и пытался что-то объяснить, размахивая руками, поэтому, когда Уль проорал:

– Придурки! Когда вас эта девчонка надвое разрубит, поздно будет!

Оказалось действительно поздно.

Стальные перья посыпались под ноги воинам, одно за другим, со скоростью молний. Двоим не повезло, упали с перекошенными от боли лицами, прижимая к животу покалеченные ноги. У одного в бедре, над коленом, у другого в стопе закачались стальные радуги.

Уль, что успел отскочить под спасительную сень дерева, выхватил из рук упавшего лук, и выстрелил.

Из-под соседнего дерева выстрелил уцелевший лучник.

Поток стальных перьев прервался.

Аэлло отпрянула – стрела вжикнула совсем рядом с лицом, едва не задев кончик носа. Гарпия захлопала крыльями, перевернулась в воздухе, беря выше. Раскинула ноги в стороны, пропуская между ними следующую стрелу. Замахав крыльями с удвоенной силой, она поднялась еще выше и, заходя на вираж, снова принялась метать перья, отрезая фигурку в кожаных доспехах от остальных.

Амазонка бежала, тоже уворачиваясь от смертоносных перьев, то припадала к земле, то подпрыгивала и переворачивалась в воздухе. Успев на ходу своротить нос одному воину, уда-

рить ногой в грудь другого, избежать удара шашкой третьего и сокрушить четвертого ударом в челюсть, она оказалась на другом конце поляны, рядом с порослью спасительных кустов.

– Давай же... прыгай! – простонала Аэлло. – Ты легкая! А этим мордоворотам придется обегать вокруг, они не успеют...

Бормоча, гарпия выпустила еще несколько перьев, целясь по ногам. Судя по крикам и проклятьям снизу, часть достигла цели. В следующий миг пришлось взмыть вверх – две стрелы, одна за одной, прошли совсем рядом, пробив тонкую ткань платья, что развевалось в воздухе, подобно флагу, насквозь.

Набрав высоту, Аэлло скатилась по воздушной горке, если бы та была выстроена спиралью вокруг поляны. Уворачиваясь от стрел, она не сводила глаз с Брестиды.

Вот, амазонка, разогнавшись, прыгнула, взлетая над спасительной порослью колючих кустов, но одновременно с ней над поляной взметнулось черное кнутовище.

Рывок – и Брестиды отлетела назад, спеленатая, словно младенец.

С размаху обрушившись на землю, амазонка зарычала от досады.

Дернулась, когда плечо обожгло всего в сантиметре от кнутовища. Стальное перо вонзилось совсем рядом, закачалось, елозя по ссадине.

Брестиды закивала кружащей в небе гарпии, что значит, поняла, что гарпия метила в кнутовище, надеясь перерубить его, и заерзала, даже подпрыгнула в воздухе, переворачиваясь на другой бок.

К сожалению, понял это и Уль.

С криком:

– Стрелять, песьи дети, убью!

Он дернул амазонку на себя.

Та взмыла высоко в воздух, отскочив трамплином от одного из упавших, и ощутила, как сковывающие ее путы ослабли.

Время словно остановилось – медленно, как в кошмарном сне, черная змея кнутовища расслабилась, повисла в воздухе вокруг амазонки. Даже стрелы и смертоносные перья вокруг замедлили полет.

Расслабив хватку лишь на секунду, ровно настолько, чтобы амазонка, запрокинув голову, успела вдохнуть, черная змея вновь спеленала ее, сжав на этот раз так, что Брестиды заорала от боли.

В следующий миг амазонка обрушилась на землю, на этот раз посреди поляны, застонала, стиснув зубы и зажмурившись, и вновь рывком поднялась в воздух.

Нырнув под свистящие в воздухе стрелы, Аэлло спикировала на макушку дерева, обдирая кожу.

Укрылась за стволом, в который тут же впились, одна за другой, три стрелы.

Пока воины прицеливались заново, гарпия успела метнуть в Брестиду, лежащую на земле, перо.

Аэлло хорошо прицелилась, надеясь освободить амазонку от пут, но одновременно с вылетевшей смертоносной радугой дернул Уль.

Перо закачалось в бедре амазонки, вызвав сдавленный стон, а за ним крик.

Кричала от бессилия не Брестиды, а гарпия.

– Колдун! Тьфу, маг, старый черт! Где, мать твою волшебницу, врата?! – проорал Уль.

Не сводя глаз с дерева, за стволом которого скрылась Аэлло, он подтянул амазонку поближе, вцепился в рыжие растрепанные волосы.

Воины окружили его, поддерживая под плечи раненых.

Те из сагатов, что могут пользоваться луками, выпустили по дереву, где скрылась гарпия, одна за другой, три стрелы.

В ответ не вылетело ни одного пера, и Уль довольно крикнул, но через секунду брови его встретились на переносице, и он снова обругал какого-то колдуна старым козлом.

Брестида с затаенным дыханием наблюдала за деревом, в ствол которого снова целились лучники. Еще одна порция стрел покинула луки, и одновременно над зеленой макушкой взмыла белая фигурка.

– Ну, старый черт! Дай только, доберусь до тебя! – выругался в пространство Уль, дергая амазонку за волосы.

Дернул сильно, Брестида перевернулась в воздухе, задела ногой бок стоявшего близко сагата, что целился в гарпию. Удар еще глубже вогнал стальную радугу в бедро, пропоров ногу насквозь. Амазонка закричала.

На мгновение хватка кнута ослабла, чтобы тут же затянуться с удвоенной силой, заставив амазонку запрокинуть голову и плотно сжать челюсти, чтобы не орать.

За спиной Уля раздался еле слышный звон, пространство разверзлось, растеклось лужей в воздухе.

Скомандовав:

– Врата!

Уль скрылся первым, держа амазонку за волосы.

За ним попрыгали во врата сагаты. Те, кто может ходить, взвалили на могучие плечи раненых.

Разлитая в воздухе лужа принялась сужаться, словно кто-то быстро ее сушил.

Последней в узкую дыру врат скользнула Аэлло.

Гарпия вытянула руки перед собой, крылья плотно прижала к спине, готовая раскрыть их в любой момент.

Врата, поглотив гарпию, хлопнули и высохли окончательно.

Глава 8

Аэлло ни разу не попадала в водоворот, но первая мысль, которая возникла в портале была именно о нем.

Она забарахталась, забултыхалась, влекомая течением. Пришла мысль, что осколок на цепочке может соскочить с шеи, и пальцы тут же судорожно вцепились в золотую пластинку.

Стоило стиснуть осколок в кулаке, как вода расступилась, и Аэлло зависла в воздухе.

Она оказалась в тоннеле со странными жидкими стенами. Казалось, ткни пальцем, пустую серединку, где зависла гарпия, затопит.

Осколок в руке пошевелился, словно хотел предупредить о чем-то.

– Мамочки! – пискнула Аэлло. – Сейчас же выскочу вслед за этими бешеными сагатами и Брестидой! В самый стан врага! Там-то мне и конец придет!

Осколок раскалился, словно решил обжечь нежную кожу.

– Хоть бы подальше или хотя бы повыше, – отчаянно взмолилась Аэлло, ни к кому конкретно не обращаясь. Для верности повертела головой, убеждаясь, что ветра здесь нет и в помине, а больше гарпии никого и ни о чем не просят.

Осколок в ладони дернулся и похолодел.

Неведомая сила подбросила Аэлло вверх. Не давая себе упасть, гарпия расправила крылья, кувыркнувшись в воздухе, и принялась подниматься.

Чужое пространство дохнуло в лицо незнакомыми запахами, враждебно загомонило снизу множеством голосов.

Аэлло посмотрела вниз: на берегу чужого озера раненых воинов окружила толпа.

Уль закинул Брестиду на плечо, что-то коротко сказал, взмахнув рукой, и скрылся в толпе. Люди услужливо расступились перед ним. Один из воинов, тот, что больше всего ругался, пошел следом.

Мужчины, Аэлло мельком отметила, что среди них нет ни одной женщины, принялись помогать раненым. Извлекали стальные перья из тел, прямо здесь, на месте, перевязывали: накладывали на раны зеленые листья, сверху заматывали чем-то. Окровавленные перья передавали друг другу, качали головами. По лицам Аэлло понимала, что цокают языками. Один даже щелкнул по перу, отчего то выгнулось и затрепетало, отражая солнечные лучи.

Тот самый, что щелкал, поднял лицо вверх, уставившись прямо на Аэлло, и гарпия усиленно заработала крыльями, взлетая выше.

– Видели птицу, мать моя баба? – спросил воин, ткнув соседа локтем. – Прямо огромная... белая. У нас таких нет, кажется.

– Где? Где?

– Да вон же! Как из воздуха появилась!

– Это все пришлый колдун, чтоб его! Проклятая магия!

– Точно! Все его штучки!

Гарпия взмыла к самым небесам, пронзив сероватую кашу облаков. Поднималась, пока солнце не опалило кожу.

Отметив, что солнце здесь другое, уже потянутое багрянцем, стоит ниже, а ветер тот же, родной, любимый и вообще единственный, Аэлло провалилась в облако. Затаила дыхание, чтобы не наглотаться рваной неприятной влаги, и зависла над полноводным озером.

Воды озера сверху напоминают огромную букву «С». Вода огибает круглой формы равнинный полуостров, надежно укрытый от пролегающих рядом степей непроходимым лесом. В полноводной букве «С», что льется вокруг квадратов полей и селений, затерялся кусочек неба, голубой, с белыми облаками.

Аэлло сделала круг над широким руслом, отметив, что от озера тянется в лес несколько рек.

Оседлав поток ветра, гарпия съехала по воздушной горке вниз, остановилась на безопасном расстоянии от поселения людей, похитивших амазонку.

Толпа человек в полтораэта, что на берегу, и не подумала рассасываться. Аэлло развернулась, навела крыло, примериваясь и балансируя на другом, но метать перья не стала – всех не перестреляешь. К тому же, пока будешь метать перья, до самой дотянутся стрелы.

– А стреляют они хорошо, – вспомнила Аэлло, хмурясь.

Аэлло принялась кружиться над бревенчатыми домами. Жилища простые, в один этаж, с теми, что в Цитадели не сравнить, а значит, здешние явно не магией возводились. Все дома похожи один на другой, словно капли воды.

Сделала вираж над зеленым пастбищем, кони мирно щиплют траву и трясут хвостами, отгоняя слепней. Когда один из пастухов поднял вверх лицо и заслонился ладонью от солнца, всматриваясь в крылатую фигурку, Аэлло стремительно ушла вверх.

С высоты поселение чужеземцев похоже на кляксу с неровными краями. Земли расчерчены дорогами, по ним передвигаются пешком или на лошадях. Коней ведут шагом, чтобы не поднимать пыли.

На разных улицах и люди разные, не похожие друг на друга внешностью и одеждой.

По запахам сырой кожи и меха, по развешенным на длинных заборах седлам, распяленным шкурам поняла, что летит над ремесленниками. Скорняки и седельники ходят в подпоясанных рубахах и серых портках.

Грохот десятков молотов, бьющих по наковальням, словно хотят расплющить, заставил поморщиться и взять выше, делая дугу над улицей кузнецов.

На окраине, рядом с выпасом коров и овец, мрачным длинным домом пролегла бойня. В воздухе разливается жалобный рев баранов, которых тащат на убой.

Люди в длинных серых хламидах катят на тележках зерно, навоз, свежие туши.

Наконец, Аэлло увидела местных женщин. У них здесь всего одна улица, но широкая, в несколько рядов домов. Ходят здесь в платках и бесформенных холщовых сарафанах поверх рубах. Все женщины, как одна, за работой – снуют между домами с ведрами, ступами, кто-то окружен выводками детей. Женская улица переходит в обширную территорию, с полями и садами.

Аэлло крутанулась в воздухе, осматривая свое платье. Длинное и просторное, вряд ли бросится кому-то в глаза. Молниеносно спикировав вниз, Аэлло схватила цветастый платок с веревки, на которой сушится белье.

Взмыла вверх, и убедившись, что никто ее не заметил, полетела дальше.

– Где же Брестида? – бормотала гарпия. – Куда он ее понес?

Описав круг над поселением, Аэлло оказалась на том же месте на берегу озера, где ее выбросил портал.

С высоты разглядела, что в центре толпы появился высокий худой человек с белыми волосами, в голубом струящемся плаще. Люди сторонятся его, держатся на отдалении, словно боятся подходить ближе. Но взгляды всех прикованы к беловолосому. Человек жестикулирует, машет руками, словно произносит гневную речь, но из-за свиста ветра в ушах не разобрать ни слова.

– Может, там я узнаю что-нибудь о Брестиде? – спросила Аэлло, и принялась осторожно снижаться.

Заметив, что у свесившей ветви в реку ивы стирают несколько женщин, Аэлло пролетела чуть дальше, приземлилась, и, замотавшись в платок, приблизилась к ним сзади. Внимание женщин занято беловолосым, но одна обернулась на Аэлло, ахнула, и пихнула в бок другую.

Через несколько секунд все женщины уставились на Аэлло. Смотрят настороженно, брови нахмурены.

Наконец, одна заговорила:

– Тебя, что ли, Грико из похода привез?

– Меня, – на всякий случай ответила Аэлло.

Она угадала – настороженность на лицах женщин сменилась любопытством.

– Должно быть, устали, коли без работы расхаживаешь, – сказала, наконец, другая, и женщины захохотали, уперев руки в бока.

Аэлло, которая не поняла ни слова, пожала плечами.

Она не успела спросить, знают ли они что-то о пленной амазонке, когда одна из женщин воскликнула:

– Вон он! Смотрите! К воде идет!

Тут же отвернулись от Аэлло, пожирая глазами того, что с белыми волосами и в плаще.

Гарпия тоже с интересом выглянула из-за плеч женщин.

– Кто это? – спросила она, робко тронув одну за плечо.

Та покосилась назад, скривив губы, что значит недовольна, что отвлекают, но ответила:

– Так маг! Что ты думаешь, народ здесь собрался? Старый колдун обещался мощь явить!

Человек в струящемся плаще вблизи оказался стариком. Высокий, с прямой спиной, с развевающимися на ветру волосами. Оказавшись у воды, он бросил взгляд в сторону женщин. Из-под кустистых бровей яростно сверкнули голубые льдины, и внутри Аэлло все похолодело, словно покрыла изморозь. Женщины принялись суеверно плевать на плечи, за стирку взялись с утроенным рвением. Глаз на мага больше не поднимали, но и уходить не торопились, видимо, любопытство оказалось сильнее страха. А может, к страху здесь привыкли, а развлечения редкость.

Аэлло успела разглядеть, что у мага вытянутое лицо с тяжелой челюстью, безглаголиво поджатый рот, вокруг глаз глубокие провалы.

Старика сопровождает толпа, по лицам видно, интересно, что скажет, но стараются не показывать любопытства. Аэлло обвела глазами толпу, что видела только сверху.

Мощные, черноволосые гиганты с короткими, словно нарисованными бородками и чубами, что спускаются на выпуклые дуги бровей. Одеты также, как и те, что напали в лесу на Брестиду. Все почти по пояс голые, литые мускулы небрежно перекатываются под опаленной солнцем кожей, кто-то в легких кожаных жилетах, все в шароварах. Которые помоложе, сверкают голыми макушками, виски тоже выбриты, а от затылка спускаются на плечи плотные косы. Третьи, с длинными черными волосами и носами, как у коршунов, бреют не макушки, а виски, еще усы и бороды. На поясах почти у всех кнуты и кривые сабли. На почтительном отдалении перетаптываются с ноги на ногу еще двое – один в бесформенной хламиде, с бритым лицом и головой, таких Аэлло видела в поселении, они смотрели за скотом. Другой с короткими, до плеч волосами, на лбу обруч, щетка усов, борода лопатой, одет в рубаху навывпуск, портки и плетеную обувь.

– Скорняк, седельник, или кузнец, – пробормотала под нос Аэлло.

Люди за спиной мага переговариваются вполголоса. Но стоило тому обернуться к толпе, голоса стихли.

Вскинув подбородок, маг заговорил, и голос его зарокотал, словно водопад, словно быстрая, мощная река гонит по дну тяжелые камни.

– Возлюбите воду, честные сагаты! Возлюбите воду больше, чем отца родного – и воздастся вам! Только вода способна дать каждому из вас такую силу, что боги позавидуют!

– Знатно звонишь, старый, – раздалось в толпе.

Голос показался Аэлло знакомым.

Толпа торопливо расступилась и вперед вышел человек в короткой кожаной жилетке на голое тело и широких алых портках. Аэлло узнала Уля. Того самого, что унес на плече Брестиду. В толпе зашептались, загомонили, с появлением атамана перестали внимать каждому слову мага. Тот нахмурился, глубокая морщина прорезала лоб чуть не до черепа.

Атаман широко расставил ноги, и скрестил руки на поросшей черным волосом груди.

Скуластый, загорелый, с черной щеткой усов и тонкой аккуратной бородкой, поверх макушки густой, вздыбленный чуб.

На плече атамана сидит рябая птица, когти вцепились в кожаный жилет, а голова насто-роженно вертится.

– Ого! Вихрь меня дери! – вырвалось у Аэлло, и гарпия даже заозиралась, точно тетка Келена, не одобряющая сквернословия притаилась где-то неподалеку.

Женщины зашикали на нее, одна даже за руку дернула, приложив палец к губам.

Аэлло кивнула, мол, молчу, молчу, но когда птица на плече атамана нервно забила крыльями, снова не сдержалась:

– Строф-адский вихрь! Это же сапсан! Сагатский! Вот он, оказывается, какой! А тетя говорит, приручить их невозможно! Так я и знала! Ведь говорила, говорила Орена, если из яйца растить, птенец будет считать и отцом, и матерью, любому глаза выклюет, да еще и кадык вырвет, а тетя все «опасно, опасно»! Зря она назвала Орону сентиментальной курицей! Ох, зря!

Женщины посмотрели на нее почти жалостливо. Одна из них склонилась прямо к уху гарпии:

– Если не хочешь, чтобы всех нас избили кнутом, молчи. Может, ты и впрямь хороша, но, если не знала, сагаты с бабами не церемонятся.

Не успела Аэлло возмутиться тому, что ее обозвали «бабой», как атаман с сапсаном на плече, заговорил. Голос его не предвещал старику-магу ничего хорошего.

– Что, маг, ошибка вышла? Или обмануть решил?! Уговор-то был о Золотом Талисмане! Сам обещал! Амазонка здесь, за что спасибо. Можно считать, что с гадиной покончено. Первую часть договора ты выполнил. Дело за второй. Где Талисман, я тебя спрашиваю?

– Брестиды? Амазонка? – повторила Аэлло, хмуря брови. – С кем это еще покончено?

Женщины снова зашикали на нее.

– Не знаешь, разве? – жарко прошептала одна на ухо. – Маг утром здесь врата открывал, обещал Золотой Талисман добыть. Мужики ходили – вернулись с пленной амазонкой, все обстрелянные. Маг давно за Цитаделью следил, предупреждал, что там водятся смертоносные птицы, да наши, видно, плохо слушали. Вернулись раненые, злые... Ну, сейчас колдуну проклятому мало не покажется!

Аэлло поняла, что насторожило ее сразу же, стоило ей выскользнуть из портала. В то время, как дома солнце стояло в зените, здесь оно уверенно катится к макушкам деревьев на другом берегу. Красное, какое-то тревожное, как и все здесь, в этом чужом краю.

– Так вот о чем они говорили, когда ждали «смертоносных птиц», – пробормотала она. – И Селина почувствовала приближение этого мага. А он следил за Цитаделью! Но если им нужен был Талисман, почему не напали сразу на Цитадель?

Старик с хозяином хищной птицы замерли друг напротив друга. От вытянутого силуэта мага веет уверенностью и спокойствием, от кряжистой мускулистой фигуры в кожаной безрукавке и алых шароварах – дикой, звериной силой.

– Что же ты молчишь, маг? Или скажешь, что не обещал нам Золотой Талисман? А может, скажешь, вру?

Маг недовольно скривился на замечание, посмотрел на чубатого, как смотрят на досаждающее насекомое, и отвечать как будто не собирался. Погладил подбородок, обвел глазами толпу.

Аэлло невольно отшатнулась, таким леденящим холодом веяло из его глаз.

Женщина, что просила Аэлло помолчать, досадливо поцокала языком. Тихим голосом она проговорила:

– Зря атаман задирает его, мага этого...

– Молчи! – сказала другая. – Давно кнутом не угощали?

– А ты помнишь, какой он утром был, маг этот, как прибыл? Желтый, в складках, морщинистый, а сейчас? Ни дать, ни взять, почтенный старейшина!

– погоди. Разобраться надо, – прозвучал ответный шепот. – Он, как-никак, подтвердил, что союзничать с нами будет! Темнит, старый! Правильно атаман его прижучил. Неужто из-за одной паршивой амазонки затевались?

Маг сжал раскоряченные пальцы в кулаки, и, собравшись с мыслями, развернулся к толпе. Недовольный ропот сразу стих.

– Если маг воды Налед Волглый пообещал, то исполнит обещанное! Силой воды, а сила эта велика! Сие самая мощная стихия и основа жизни, презренные! – вещал маг. – Без воды нет ни жизни, ни смерти, ни света, ни дня. Недостаток воды убивает, как и ее избыток. Получивший силу воды обретает мощь и вторую жизнь. Жизнь новую, силу великую, смелость отчаянную – во славу воды!

– Красиво говоришь, Ваша Волглость, – перебил его атаман. – Да только не привыкли сагаты верить словам! Это пусть собачий лай ветер носит... А слово человека – камень!

Брови мага нахмурились, губы брюзгливо поджались.

– Не веришь, атаман? Не верите, людишки? Ну, кто готов попробовать прямо сейчас? Кто готов стать воином воды, ее сыном и мужем? Есть ли среди сагатов смельчаки, о которых поют, терзая гусли, менестрели на пыльных дорогах и шумных площадях?

По толпе прокатился ропот. Зашептались, загомонили, словно стая потревоженных птиц.

– Ишь, какой дерзкий!

– За такое, по-хорошему, на кол старого черта!

– Или на колесо...

– А всего лучше к лошадиному хвосту! Да прокатить вперед ногами, по-нашему, по-сагатски!

– По-сагатски, как же! План хорош, да только как подступиться к такому?

Аэлло заметила, как заклекотала на плече Уля птица, тот пригладил взъерошенные перья, скупно улыбаясь, произнес:

– Будет, будет. Не веришь магу, дружище? Я тоже. Да и никто не верит болтовне.

– Ну? – продолжал подначивать маг, делая вид, что не слышит обидных слов Уля и недовольного ропота толпы. – Есть ли среди сагатов смелые? Или одни трусы?

Этого люди не стерпели. Сразу несколько шагнули навстречу магу, Аэлло даже показалось, что дрогнула от топота земля. Из нескольких глоток вырвалось нечто похожее на звериный рык, так грифон предупреждает о смертоносной атаке.

Один попытался замахнуться кнутом, другие сдержали, повисли на мускулистых руках. Однако молодой, даже юный парнишка опередил всех.

– Я готов! – почти нараспев, так, что каждое слово звенело в воздухе, отчеканил он. – Я забью оскорбление обратно в твою поганую пасть, старый колдун!

Парнишка выскочил вперед нахохленным воробьем, прежде, чем старшие успели остановить его.

Подбоченился рядом с дылдой магом, уперев руки в бока, глядя на старика исподлобья.

– Ну же? Ну? Что молчишь? – храбрился юнец, пружиня коленями. – В рот воды набрал?

Нарочито небрежным жестом он провел ладонью по бритой макушке, растрепал косу на затылке. Стоило ему убрать руку, как ветер принялся играть легким пшеничным волосом.

Узкие губы мага растянулись в усмешке. Так улыбается кот наглой, бесстрашной, или просто дурной мыши, понимая, что с этим ужином он сначала вдосталь наиграется.

На плече атамана завозилась птица, попыталась расправить крылья, но тот быстро подхватил ее за бока обеими руками, аккуратно раскрыл ладони, подбрасывая сапсана в воздух.

Маг осмотрел парнишку, словно к коню приценивался, даже вокруг обойти не поленился.

– Вода примет тебя своим мужем и сыном, юный воин, – пророкотал его голос, и юнец на мгновение зажмурился и сморщил конопатый нос.

В следующий миг парень нарочито нагло произнес:

– Так за чем же дело стало? Почто медлишь-то, дед?

Маг снова усмехнулся, одними губами, темными провалами глаз продолжал буравить добровольца.

Наконец, кивнул.

Маг отвернулся к реке, а парень выдохнул и сглотнул слюну.

Над берегом воцарилась такая тишина, что Аэлло услышала, как с цветка на цветок перелетают пчелы и шмели, даже вода словно остановила свой бег, а солнце замерло, неловко покачавшись в огненной колеснице.

Резким движением маг выбросил руки над водой, медленно кивнул, отчего седые пряди заслонили его сосредоточенное лицо, затем также неспешно поднял голову.

Аэлло ахнула – в руке мага появился золотой трезубец, точь-в-точь такой же, как на поясе Селины, только с кроваво-красным рубином в центре.

– Это же Рубиновый Трезубец! – одними губами произнесла Аэлло. – Это о нем говорила Селина...

По толпе пронесся испуганный ропот, а гарпия, сосредоточенная на Рубиновом Трезубце, не сразу увидела, как над водой поднялся прозрачный, голубой столп, что вытянулся куполом, а затем и вовсе превратился в огромную каплю, отделившись от водной глади. В капле испугано бьется пескарик, тычется открытым ртом о стены внезапной темницы.

В гробовой тишине маг нацелил Рубиновый Трезубец на каплю.

Глава 9

Бултыхаясь, играя бликами на лицах, столп воды приблизился к самому лицу будущего мужа и воина воды. Сглотнув, парнишка во все глаза уставился на свое отражение. Пескарик рванулся вперед, словно хотел выскочить парню прямо в лицо, и тот отшатнулся. Глупая рыба, конечно, не смогла покинуть своей тюрьмы, а в толпе обидно заготовали.

Щеки парнишки покраснели, кончики ушей стали малиновыми. Парень сжал губы, сморщив конопатый нос, скрестил на груди руки, топнул и с вызовом уставился на мага, мол, чего же дальше.

Маг улыбнулся на этот раз совсем уж по-отечески, сделал неуловимое движение пальцами, и гигантская капля поглотила юношу, впустив его в себя, и не выпустила обратно.

Пескарик испуганно метнулся в самый верх, столкнувшись с невидимой преградой отлетел назад. Рыба запуталась в волосах мальчишки, что, оказавшись в воде, принялись извиваться, словно водоросли.

Глаза парня чуть не выскочили из орбит, воздух пузырями пошел изо рта. Юнец принялся махать руками и ногами, забившись, словно рыба в сети.

В гробовой тишине, что никто так и не посмел нарушить, Аэлло показалось, что она слышит крик, доносящийся из-под толщи воды:

– Мама!!

Тонко и робко, как будто неуверенно заголосили женщины.

По толпе прокатилась грязная, увесистая брань.

Кто-то крикнул:

– Не дури, дед!

– Отпусти мальчонку!

– Ну!

Аэлло тоже закричала, пытаясь взмыть вверх, но оторваться от земли не смогла. Крылья за спиной распахнулись и часто забили, но никто не заметил этого, все лица обращены к магу.

Крик гарпии из гневного быстро стал испуганным. Земля под ногами чавкнула, засасывая ноги по щиколотку.

Люди задергались, пытаясь подступиться к магу, замахали руками.

Но никто не сдвинулся с места, все увязли в болоте. Сквозь гневные крики мужчин и визг женщин отчетливо пробилось жадное чавканье.

Секунду назад твердая земля превратилась в предательскую трясины. Кто не устоял на ногах, упал, и уже не поднимался. Крики слились в единое пространство хаоса, что состоит из проклятий, мольбы, боли.

Единственный, кто не топ в болоте и не кричал, был смельчак-доброволец.

Он бил по воде руками и ногами, пучил глаза, кашлял, бултыхался. Маг наблюдал за корчами парнишки с интересом книжника, который натолкнулся на удачный момент в рукописи. Время от времени пальцы мага, что держали Рубиновый Трезубец, шевелились, а губы открывались, шептали что-то, и Аэлло казалось, что сквозь завесу хаоса пробивается плеск воды.

Гарпия отчаянно колотила крыльями, но с каждым рывком ее все глубже засасывало.

Когда трясина поднялась до колен, маг щелкнул пальцами, и на берег обрушилась тишина, словно людей заменили бессловесные рыбы.

Юнец, дернувшись в последний раз, затих.

Движения его рук и ног обрели плавность и неспешность, взгляд замер. Парень перевернулся кверху пузом, как мертвая рыбеха, и застыл с раскинутыми руками и ногами.

– Свершилось! – объявил маг.

Рубиновый Трезубец скрылся в складках плаща.
Вскинув руки над головой, маг громко хлопнул в ладоши.
В тот же миг пузырь лопнул, брызги полетели во все стороны.
Безвольное тело ударилось оземь.
Аэлло закрыла рот рукой и громко, протяжно застонала.
Трясина под ногами исчезла.

Люди не сразу поняли, что к ним вернулись голоса и какое-то время над берегом раздавалось полное ужаса и страдания, мычание.

Когда Аэлло посмотрела на ноги, брови ее поползли вверх. Сухо, пыльно, словно жадная пасть болота померещилась гарпии. Спотыкаясь, расталкивая локтями женщин, она бросилась к опрокинутому навзничь телу.

Вокруг парнишки и возвышающегося над ним мага собрались и другие. По злобным взглядам исподлобья, набыченными фигурам видно, что каждый хочет поквитаться с магом, но не решается бить первым, хорошо зная, что бывает с такими первыми. Да и после того, как маг явил свою мощь...

Народ замер, явно не зная, что делать. Мага эта суматоха нисколько не волнует – он и бровью не повел. Взгляд его сосредоточился на лице утопленника.

– Сейчас, – неожиданно произнес он. – Смотрите!

Кто-то уставился на мертвого парня, а кто-то на мага, у которого хватает наглости издеваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.